

*Отвечая на упреки иудеев, возмущенных тем,
что народ славит Его, Иисус ответил:
Аще сии умолчат, камене возопиет (Лк. 19, 40)*

ПОЭЗИЯ МНОГОЯЗЫКОЙ РОССИИ

СЕРГЕЙ СОКОЛКИН

ВОЗОПВИШИЕ
КАМНИ

Избранное
(стихи, поэмы, художественные переводы)

Иллюстрации
Ярославы Соколкиной
и Галины Гагариной

Москва
«Российский писатель»
2013

УДК 82-145
ББК 84 (2Рос=Рус)
С 59

Соколкин С.

С 59 Возопившие камни / Сергей Соколкин; ил. Ярослава Соколкина, Галина Гагарина. – М.: «Российский писатель», 2013. – 420 с.: ил. – (Поэзия многоязыкой России).

ISBN: 978-5-8853-3203-3

Сергей Соколкин – один из самых **значительных** поэтов своего времени – по мнению Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, Б. Примерова, В. Сорокина, В. Ганичева, В. Бондаренко, П. Калитина и многих других.

Он творчески развивает традицию русской поэзии, начатую Сергеем Есениным и Павлом Васильевым.

Темы любви к Родине, патриотизма, уникального пути нашей страны и специфики русского национального сознания – основные в его творчестве. И, конечно же, любовь к женщине, той единственной и неповторимой.

Соколкин – автор семи книг стихов, двух книг переводов стихов поэтов Дагестана и одного романа (не опубликован). В данную книгу вошли некоторые переводы стихов с арабского **И-рак**) и с семи основных дагестанских языков.

Это десятая книга писателя.

УДК 82-145
ББК 84 (2Рос=Рус)

© Соколкин С., 2013
© Соколкина Я., Гагарина Г.,
иллюстрации, 2013
© «Российский писатель», 2013

Ангел становится в строй

Сергей Соколкин – тонко чувствующий и глубоко переживающий лирик. Уже одной из первых своих книг «Ангел в окровавленной слезе» он завоевал по праву своего читателя, почувствовавшего красоту его слова, искренность переживаний, созвучное многим осмысление нашего смутного времени. Но его боевой дух, его русская воинственность, его бесстрашие с неизбежностью привели к тому, что его лирический поэтический «ангел становится в строй». И уже в бой за его Родину, за простых наших соотечественников, как образно утверждает Соколкин: «Встали насмерть русские поля». Еще в мятежном 1993 году, сам, будучи участником октябрьских событий, он писал:

*На ладони высохла земля,
проросла в веках блокадным хлебом.
И в глазах, сливающихся с небом,
встали насмерть русские поля.*

*И покуда жить еще могу,
я к ответу мертвых призываю,
их землей сырою попрекаю –
каждой пядью, отданной врагу.*

Он просто по характеру своему не мог оставаться на вершинах любомудрия, безмятежно эстетствовать, лишь тонченно переживая страсти и бури наших дней. Он должен непременно быть ярким участником этих битв, и его ангел уже в боевом строю сражается вместе с ним. Сергей Соколкин в своей поэзии ведет богатырский бой за души русских людей, за участь слова, семена вечной свободы.

Его уже не раз сравнивали с былинным Святогором, самым древним русским богатырем, да и сам Сергей тянется к подобному герою:

*Продираясь сквозь черные боры,
Тьму народов и тысячу лет,
Я себя ощутил Святогором.
Святогор – мой отец и мой дед.*

*В генах Русь у меня. Под удары
Сотни раз я подставляю свой лоб.
Вон мой меч! Эй, собаки-хазары!
И трещит на мне собственный гроб.*

И, естественно, в этом своем потаенном поэтическом язычестве он не уходит в плаксивую ностальгию по утраченному величию, не становится в ряды поминальщиков земли русской. Я бы даже затруднился его назвать «тихим лириком» или поэтом-традиционалистом. Явный бунтующий новатор, воюющий за всё русское простран-

ство. Этакий авангардный почвенник. Бунтарь с философским уклоном.

*Кончено. Пожар потушен
ледяной водой речною,
обжигающею водкой,
красным кровавым вином.
Пейте, люди, веселитесь,
ведьму сделали вдовою!
Только эта смерть – предсмертье,
главная придет потом...*

(«Смерть колдуна»)

или

*Едят блины и взрослые и дети,
едят блины и «до» и «после» смерти.
У русских – первый блин идёт за третьим.
И за четвёртым – тоже
первый блин.*

(«Боярыня Масленица»)

Да он и по характеру своему такой же ершистый и неуёмный, как и его поэзия. Побольше бы таких ярких героев современной русской литературе. Пусть иногда и с перебором, с молодецким свистом, с железистыми могучими ударами по супостатам, но он и в жизни, и в поэзии всегда бо-

рется – за любимую женщину, за величавую гармонию, за русскую литературу, за красоту мира.

*В теплом свете новая земля лежит.
Спит зазнобушка,
бесстыдно цветом жизни набухая,
беззастенчиво раскрывшись,
на ветру пушок дрожит.*

*Папоротник глаз закрыл свой.
Тихо плачет
вечный жид,
нежную слезу роняя.*

(«Семик»)

В нынешней заунывной бесхребетной постмодернистской равнодушной поэзии нет ни любви, ни силы, ни мужества, ни красоты. У Сергея Соколкина в поэзии всё это имеется с большим запасом.

*Все бери за ночь любви с тобою,
но чтоб ночь – на вечные года!
Нежностью почти что роковую
я к тебе прикован навсегда.*

Бесспорно, Сергей Соколкин – талантливый русский поэт, один из самых интересных в своем поколении. Мне он

интересен еще и своим разнообразием – от нежного смирения любви до дерзостей, от лирики до героики. Не случайно в его стихах можно услышать отзвуки поэзии лучших поэтов XX века – от Сергея Есенина до Павла Васильева, от Николая Тряпкина до Юрия Кузнецова, от Владимира Маяковского до Андрея Вознесенского, от Иосифа Бродского до Николая Рубцова. Но это отнюдь не подражание, а высокая поэтическая культура. Он не заимствует, а полермонтовски преломляет в свой личный поэтический мир, и потому его стихи всегда узнаваемы. Он и самую глубинную традицию воспринимает как новизну, дерзко бросая её в ноющее болото серости.

Не случайно многие стихи Сергея Соколкина стали песнями. Песенное начало неотъемлемо для любого талантливого русского поэта. И поэтому широкий читатель будет воспринимать его песни, его чувственную лирику, державникам понравится героика и пафосность его эпических стихов. А эстеты будут наслаждаться его высокой поэтической культурой. Читаешь, и чувствуешь энергию его стиха, видишь свои, незаемные слова.

*...Даже в слове, даже умирая, —
Пушкин – вечно крайний на Руси.
Слышишь, за углом родного дома
погибает он в твоей душе...
Только держит, держит оборону
на последнем русском рубеже.*

Мне нравится, что Соколкин находится в постоянном творческом развитии в отличие от большинства застывших своих собратьев по перу. И еще мне нравится его неизбывная русскость.

Сергей Соколкин и как поэт, и как личность, рос у меня на глазах, мы работали вместе не один год в газете «День», ныне «Завтра». Мы там все были, от Проханова до Соколкина, неунывающими и побеждающими, несмотря на наши реальные политические поражения. Борьба нас всех только закаляла. Не случайно же лучшую любовную лирику Сергей Соколкин написал, сидя месяц в Бутырской тюрьме, куда попал в результате смелого журналистского расследования о нелегальной продаже оружия. О чем еще писать узнику в тюрьме, как не о любимой женщине:

*Протяни мне —
в прощанье застывшие – руки.
Я вернусь! Я тебя никому не отдам!
Я ворвусь к тебе ночью, как воин ликуя,
упаду пред тобою в священном бреде.
И губами, забывшими вкус поцелуя,
как к колодцу, к любимым устам припаду.*

(«Дорогая, как там ты за мукой-разлукой...»)

Создал в камере цикл любовной лирики «У меня на тюрьме», который тут же перепечатали двенадцать периодических изданий. Ни стоны, ни плача, ни призывов к жало-

сти в свой адрес, нет, и из тюрьмы только призывы к сильной и ликующей любви. Из **тюрьмы** Сергей вышел каким-то иным, возмужавшим, получившим **жесткий** опыт, повзрослевшим человеком. Бутырские стены до сих пор видны в его поэзии:

*Я не сторож брату своему.
Приглашаю всех на Колыму...
Я в Москве люблю ходить на небо,
а **еще** – в Бутырскую тюрьму...*

Да и поэзия его с тех пор заматерела, пошла и вширь, и вглубь. Я чувствовал, что ему становится тесно на площадке сугубо оппозиционной газеты «День»-«Завтра». Ему требовался иной простор. Из дерзкого щенка, как его когда-то уважительно-парадоксально назвал наставник в Литературном институте Лев Ошанин, («Ведь по большим и не очень уключим лапам – да простит меня Сережа за сравнение! – определяется породистость щенка. Это обнадеживает... В лучших стихах у Соколкина резкий мазок, смелый замах, загорается убедительная образность»), Сергей быстро вымахал в отважного и смелого зверя, со звериным чутьем к завоеванию сердца читателя. Как ни парадоксально, Сергей отважился завоевать песенный рынок, найти там своего массового слушателя. Из своего дерзкого и громового камлания он выделил верный песенный тон, и – завоевал самых известных исполнителей, от Ирины Аллегровой до Александра Малинина.

С 1997 года Сергей Соколкин начал писать песни. Песни на его стихи поют уже 53 российских исполнителя, среди них – Л. Долина, Ф. Киркоров, А. Буйнов, Ю. Началова, Л. Лещенко, В. Толкунова, И. Салтыкова, Б. Моисеев, группа «А²Студио», он создал свою собственную группу «Фейсконтроль».

Казалось бы, бросил настоящую поэзию, предал свой дар и ушел зарабатывать бабло. Но, легко ли поэту проваться в песенную культуру, в запретный шоу-бизнес? Почти невозможно. А Сергей победно ворвался и со временем сам же ушел... обратно в поэзию уже с иным уникальным опытом, не менее важным, чем тюремный. Он сам прекрасно понимает разницу между поэтом и песенником, всегда знает, где надо остановиться, чтобы не уйти в массовку. Читаю в интервью Соколкина «Литгазете»: «Напечатанные где-нибудь стихи предполагают углубленное, сосредоточенное чтение. Читать их вполглаза, вполсердца бесполезно, только время потеряешь. В них я пытаюсь выразить то, что до меня никто не говорил, и сказать так, как никто еще не сказал. Такие стихи трудно петь, потому что они не всегда будут понятны массовому слушателю. Более того, хорошие стихи сложно положить на музыку, она просто ничего к ним не добавит. А песенные тексты – это балансирование между искусством и банальностью, стилистической пошлостью. Поэтому, естественно, мысль в них выражается достаточно примитивно в понимании образованного, искушенного человека. Од-

нако чтобы найти эту мысль, выраженную в «шлягфразе», которую запомнят сотни тысяч людей, требуется и талант, и удача, и опыт».

Какой еще жестокий опыт надо провести над большим поэтом, чтобы сбить его с высоких позиций? Обвинить в плагиате? И тут жизнь постаралась, встроив Соколкина в невероятную историю, из которой он вновь вышел с победным видом. Это было на моих глазах, и как бы при моем участии, заместителя редактора газеты «Завтра». Два самых ярких стихотворения Соколкина из готовящейся подборки вышли по случайности в подборке стихов его мудрого наставника и старшего друга, замечательного поэта Николая Тряпкина. Рассказывает сам Сергей: «Я прихожу на планерку, а там – скандал, крики. До сих пор помню... Проханов лишил меня премии, Бондаренко наговорил обидных слов о редакторском непрофессионализме. А я, главное, ничего не могу понять. Тут мне показывают свежую газету с подборкой стихов Тряпкина, которая (подборка) называется «Потому что я русский» и заканчивается двумя моими стихотворениями, и последнее из них, одноименное названию подборки, посвященное А. А. Проханову. Я чуть не расплакался от обиды, возмущения и собственного бессилия что-либо переделать. И, главное, что я не мог понять, как оно там оказалось. А Бондаренко еще и масла в огонь подливает...

– Ты понимаешь, что ты наделал. Ведь начнется путаница. Литературоведы и биографы Тряпкина будут встав-

лять эти стихи в его книги... А что скажет Тряпкин... Купи бутылку коньяка и езжай к нему, извиняйся... Опровержение мы, конечно, дадим, но... Увы и ах!...

Тряпкин, кстати, оказался единственным человеком, кто только посмеялся и сказал, подбадривая меня: «А что, мне очень понравилось, я под каждым словом подписываюсь. Очень хорошие стихи. У меня давно не было таких мужулистых молодых стихов. Очень жалко, что не я их написал...»

Это стихотворение и впрямь стало знаковым для поэта Сергея Соколкина, определяющим и его собственный поэтический мир, и позицию, и стиль. И оно уж явно не вписывается в поэтику Николая Тряпкина.

*Потому что я русский, я знаю безбожные годы:
как простой мужичок, что коряв, хитроват и бескрыл,
глядя Богу в глаза, создавая Империи своды,
по колена в кровище величие духа творил.
И свои семена сею я уже в наших потемках.
По ночам умирая, с утра возвожу русский Храм.
И по крови моей, заливающей землю потомков,
корабли уплывают к неведомым материкам.*

(«Потому что я русский...»)

Прекрасное, образное, мужественное, богатырское стихотворение. Как писал о нем еще один его наставник и старший друг, Борис Примеров: «Сергей Соколкин преодо-

лел бестелесные, пыльные слова, сбросил прах бесцельного крика, поднялся до высот живописи, музыки, колорита. Его туго натянутые струны на инструменте русской души слышны далеко, как эхо солнца».

Повезло Сергею во всем. И с литературными учителями, к которым надо добавить и последнего русского гения Юрия Кузнецова, который подчеркнул: «Сейчас он предстает перед нами как серьезный поэт, один из интереснейших в своем поколении, размышляющий о судьбах народа и Отечества». Поэт гордо вспоминает в стихах о своих наставниках:

*Где-то Тряпкин поет, где-то Борюшка Примеров,
Поликарпыч вещает, тихо плачется Рубцов.
Исполать вам, друзья — лихоборцы вековые!
Мы за вами идем, кто со Словом, кто с креста...*

Повезло и с уникальным жизненным опытом, тюремным, любовным, песенным, державным. И со своими предками. Боевой дух Соколкина явно идет от его древнего воинского рода. Сергей Соколкин потомственный воин: дед его генерал Советской Армии, настоящий русский офицер...

Повезло, потому, что русский поэтический ангел Сергея Соколкина всегда в строю.

Владимир Бондаренко, критик, главный редактор газеты «День литературы»

Камни

Камень вопит, вопиет и стенает
с сотней других до небес вырастая.
Почва родная их не принимает,
кровь между ними сочится густая.

Липкая кровь, остывая, дымится,
с камня на камень лениво стекая...
Вижу на каждом знакомые лица,
вижу, от страха глаза закрывая.

Это вот ты, это я, это братья,
это в летучую бездну дорога...
Рты запечатаны личной печатью –
до дней-времен –
молчаливого Бога.

2013

**НОЧЬ НА
ИВАНА КУПАЛУ**

СЕМИК

(седьмой четверг после Пасхи)

поэма

1

Вступление

То не райский Алконост нежным голосом
и не вестница богов –
птица вещая,
наш славянский Гамаюн,
всё познавшая,
нам поведали ту быль –
очень древнюю.

Было то, –
когда дурак спал-посапывал
и во сне творил любовь с Царь-девицею,
и носилась под луной неприкаянно,
ступа с бабою-Ягой –
старой девою,

когда злой Кашей
иглу свою смертную
из ларя да в сена стог перепрятывал,

колдуны же,
через пень обернувшись,
становились в один миг волкодлаками.

Когда рыжих упырей с песиглавцами
выметал народ метлою поганую
и ещё горбун плешивый и меченый
не вскарабкался
на стену московскую.

Нам печалилась о том –
птица тёмная,
несравненной красоты полудевица,
обольстительная тварь сладкозвучная –
птица Сирин,
ко всему равнодушная.

Пела песнь она года и столетия –
потерявшим память нам,
обезумевшим,
пела, словно миг один,
даже пёрышка
не сронив со своих крыл чёрно-аспидных.

Впрочем,
ступы продолжали кружение,

упыри сменялись прочею нежитью,
а дурак всё спал с улыбкой загадочной,
самолёт-ковёр
свернувши под голову.

Сирин в бездне лет была вечно юною,
только скорбь в глазах копилась и множилась.
Лишь в конце крылом взмахнула, —
все ахнули,
вон оно лежит —
яйцо изначальное.

2

Поминки

Птицей Фениксом сгорая
в Василисковых глазах,
хромоногим чёртом вышел
гулкий веселящий страх.

Наступает день отрады
душ, потерянных в Руси,
эй, покойников заложных
из скудельниц выноси!

Кто примерил, словно шубу,
смерть чужую на себя,

тех, кто помер не своюю,
хоть любя, хоть не любя.

Тех, кто у нечистой силы
год в работниках ходил,
даже самых тех, кто, может,
душу чью-нибудь сгубил.

От любви кто безответной,
кто в бою творил свой грех...
Всё одно! –
Сегодня можно,
отпеваем нынче всех!

Мать-земля всех нынче примет,
разберётся в ад иль в рай...
Пироги пока без нужды,
ну, давай же, наливай!

Всех спаси Бог,
всем – простите,
коль обидел незначай...
Ну, а ты, за то, что слушал,
по сопатке получиай!

Василиск

Василиск свет Синитель –
васильковый повелитель
в мир проклюнулся нынче –
под собачий злобный лай.
Чтоб хлеба колосились,
васильки не уродились,
не паши и не сей ты
в этот день,
переждидай.

Петуху-семилетке,
что орёт в дубовой клетке,
поздно свёртывать шею,
как велели предки встарь, –
в январе он в навозе –
на трескучем лют-морозе
снёс яйцо и сегодня
был рождён змеинный царь.

Мы в реке не купались,
соловьихи надрывались
на Зелёные Святки:
– Всем не спать, не спать, не спать!

Собирай, не стесняйся,
из курятника все яйца, –
жарь-вари, чтоб потомства
гаду-змею не видать!

Не давай лишь подруге,
мни да мни тугие груди,
выкидыш петушиный
да под мышкою держать,
а не то, сам врубайся,
что такое эти яйца
и какие там всходы
они могут ещё дать...

На Русалью ночами
лучше ты с холостяками,
со вдовцом и вдовицей
собирай разрыв-траву,
что сердца окрыляет,
все замки к чертям сбивает,
указуя на клады
и во сне и наяву.

Вишь, русалки ночами,
кто с хвостами, кто с крылами,
в окияне небесном

стали, как стрижи, сигать.
Василиск свет Синитель –
васильковый повелитель
в мир проклюнулся нынче –
всем не спать, не спать, не спать!

4

Баба-Яга

Душу сводит до рассвета
лихоманкой,
только глянь,
блажь несется против ветра –
то ли птица, то ли пьянь...

С одного конца – зараза
и с другого – дребедень,
и заходит ум за разум,
как увидишь эту хрень.

В небо клацает зубами,
лес храня, как целину,
помело подняв, как знамя,
воет, машет на луну.

А внизу кумятся вовсе
и сестрятся, вставши в круг,

чучела русалок бросив,
и в дугу березки гнут.

Доля бабья растакая, –
забродила, вызрев грудь, –
про парней не забывая...
Но об этом позже чуть...

– Эй, Вы – детки-малолетки,
дуры-бабы, молодцы,
ну-ка, брысь, бросаю ветки,
подобрав свои концы.

А иначе с печкой рядом
повертается стезя...
– А не лезь, куды не надо,
и не трожь, чаго нельзя...

5

Русалии

То не ветер дубы раскорячил,
к земле пригибая,
так что сучья трещат,
как в кровавых зубах,
волчья сыть.

Визг кошачий и смех затихают,
опять нарастая,
и прохожего жаждет
полночный Кондратий хватить.

В неподъёмных
махрово-лохматых
коряжистых лапах,
как в ларях малахитовых,
сбив все замки до поры,
бултыхают хвостами белуг,
источив рыбий запах,
то ль живые русалки,
то ль ведьмы с проклятой горы.

Чешуя серебрится луной,
что по пенистым струям
их волос поплыла.
И они, словно вдарив под дых,
руки тянут к тебе,
и в тоске по живым поцелуям
застывают вокруг,
словно статуи – в позах срамных.

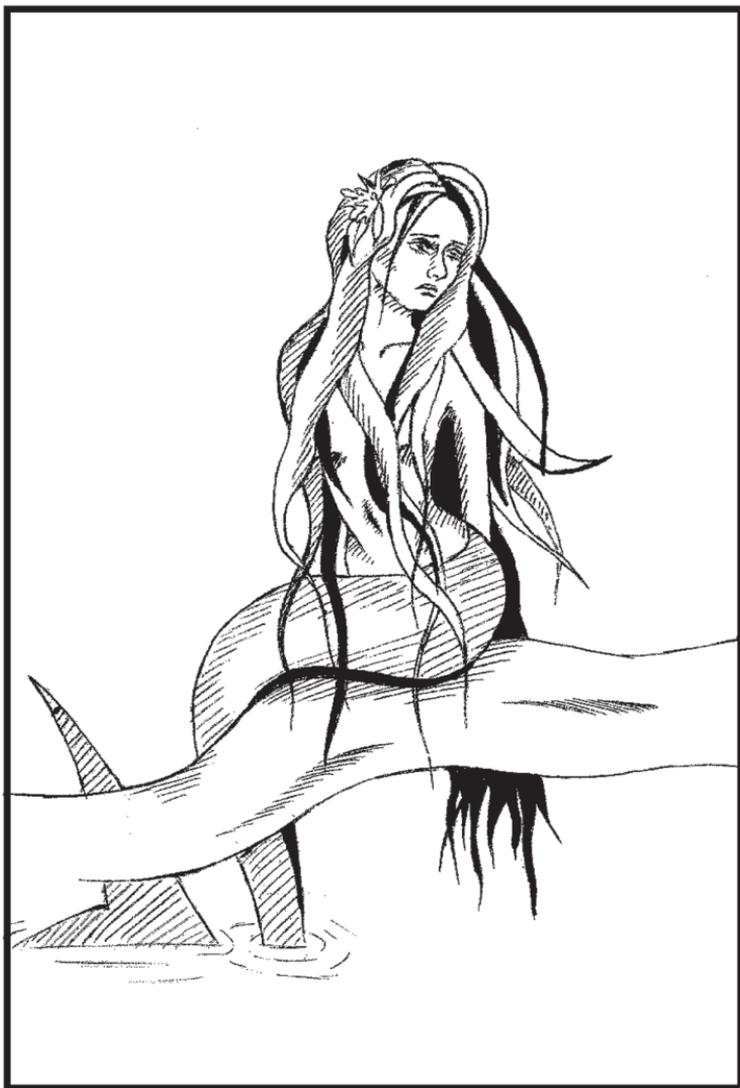
Кыш, соломенный дух,
Чур меня!

Погибай без крещения –
с путь-дорогою в ад,
потому что чурается рай.
Под проклятьем родных –
не прожить без любви и прощенья, –
зачаровывай путников,
да и на дно их таскай.

Чур, меня, чур, меня!
Я найду выводящие тропы,
не пополню я племя
утопших и самоубийц, –
пусть меня изувечит
в кулачном бою недотёпа,
пусть мне в жёны достанется
фифа из подлых девиц!

Пусть я лучше подохну,
как пёс – за копейку лихую –
в переулках Хитровских,
запив с каторжанами спесь,
чем услышать концерт
этих тварей сисястых вживую,
и похерить себя
с некрещёною нечистью здесь.

Безотцовщиной я –
уродился, предсказан кукушкой,
но рождён мужиком,
и на мне медный матушкин крест.
Расступись, сволота,
жизнь моя пусть не стоит полушки,
но я выйду живым
с зачарованно-гибельных мест.

Божьей волею крест
я черчу, описав его кругом,
и на землю Святую встаю,
словно страха не знал.
Говорю: «Я крещаю тебя, Иван-Марья».
Испуга –
в православной душе,
нет совсем, будто здесь не бывал.

Золотыми крылами затмив
эту мглу,
словно небыль,
Божьи ангелы вмиг
опустились в бушующий лес
и, набрав неприкаянных душ,
их в бездонное небо

унесли за собой.
И чарующий морок исчез.

Только змей зашипел в глубине,
в темноту отползая,
вороньё закружилось над лесом
во всю свою прыть.
Только ветер дубы раскорячил,
к земле пригибая,
так, что сучья трещат,
как в кровавых зубах –
волчья сыть.

6

Ночь на Ивана Купалу

Чтоб не спать,
поплюй на зенки,
дурья бошка, сучий потрох, –
дурой-девственницей полночь,
подобрав подол, лежит.
На опушке, за туманом,
вспыхнув, как китайский порох,
папоротник волчьим глазом
лихорадочно дрожит...
Мается душа, мятётся, чуда ждёт,
как вечный жид...

Разлепи глаза,
как бёдра толстой бабы океанной,
Вий таких красот не ведал,
сколько слюни не текли.
Камни, золото и клады –
рек, лесов и океанов
сундуки тебе откроют,
чрево вывернув земли.

Да разуй глаза, дурында,
в сон нельзя, там пень-шишига.
Из костра возьми дубину,
залепи осатанев
промеж ног козлиных, чтобы
вместо фи́га стала фи́га,
а её б –
сожрали волки, превращаясь в старых дев.

Ведьмы –
бесы-тараканы,
разбегаются по небу,
переваривая в чревах
крошки Млечного Пути.
Выложи окно крапивой,
собери остатки хлеба,

и убитая сорока – с Богом –
в хлев пускай летит.

Оборотни-лихоимцы,
слышишь, слышишь, так и скачут,
деревя трясут-ломают, зарываются в копну.
То воруют звёзд монеты,
то без сил, как скряги, плачут...
Словно несыти лихие –
воют, воют на луну.

Девки, девки хороводят,
парня выкликая имя.
И загубленные души
отражаются со дна.
И как за мышами кошка –
водяной следит за ними.
И стекает, словно семя, вождедения слюна.

И костры береговые полыхают,
расползаясь,
колесо на черноклёне – чёртом на сковороде
вертится в обнимку с ветром
и трепещет, словно заяц,
выхлопом горячей серы
оставаясь в пустоте.

Страшно, страшно, да не шибко!
И печёт в груди и ниже...
Молодую душу гложет
и над телом правит суд.
На шесте Ярило пляшет.
И огонь, как девка, лижет
плоть восставшую мужскую,
славя праславянский блуд.

Кругом властвует братина.
Дух Ярилы мысль дербанит.
Уж гудки, трещетки, бубны
захлебнулись в вине.
И летят в геенну пары,
взявшись за руки,
как в баню.
Только смех трещит,
как хворост в очищающем огне.

– Мы же рук не расцепили?! –
Где сваты!?
Иди поближе...
Как ты огненно-ядрёна,
и в глазах кромешный жар,
не кобенься, моя радость,
не боися, не обижу!

Словно кони перед случкой –
рты в испарине дрожат,
под рукой вскипают груди
хлебным тестом на дрожжах.

– Подержаться дай-ка, ах,
ах, даже зубы на губах!
Крики, шум: Айда купаться,
айда с русалками... играть!
Хвостик, как у лосося,
– А у тебя, как у лося!
– Нам не надо лосося,
мы совокупаемся...

– Кыш нечистая, я с милой,
а не-то возьму полено!
Дай-ка наливное тело
колдовской водой омыть.
И шипит вода, ласкаясь,
отступая шумной пеной.
Водяной, как пёс смердячий,
усмиряет свою прыть.

Груди яблоками пахнут...
Не дрожи, душа, в потёмках.
Мы раскачиваем реку

на пятнадцать вёрст кругом.
– Покричи, щас не зазорно,
пусть порвется там, где тонко,
чуешь,
душу обжигает
новой жизни молоком!?

А сейчас тебя в рубаху,
да с узорами из свастика,
наряжу я.
И помчимся. И устроим пир в избе.
Что-то нечисть разгулялась...
Кыш собака-головастик,
толстозадая мокрица –
вон пристроилась к тебе.

Славно реку раскачали,
не видать уже и броду,
где венки плетут девахи
и бросают под откос.
Чу, утопленники пляшут
и русалки мутят воду,
всем кагалом завалившись,
и целуются взасос.

А венки плывут по речке.
Те, что слева, вздрогнув, тонут.
Значит, кто-то замуж выйдет,
а кому-то помирать...
Крестик меж грудей напрягся,
как рыбац, почуяв омут...
– Отойди, речное лихо,
чудо-юдо, щучья мать.

Чудо-юдо, щучья мать,
чтоб те крысу целовать!
Вот ужо при свете белом
зацеплю тебя багром!
Чтоб ни дна те, ни покрывки,
ни на Этом, ни на Том...

Петушиный крик
прорезал
муть налипшую ночную.
Встрепенулись лиходеи
и стремглав на свой конец.
И визжат истошно гады.
Со всех ног напропалую!
Чресла дряблые трясутся,
как прокисший холодец.
Ну, потеха, ну, умора,

из всех дыр вода стекает...
Дыр все больше.
В теплом свете новая земля лежит.
Спит зазнобушка,
бесстыдно цветом жизни набухая,
беззастенчиво раскрывшись,
на ветру пушок дрожит.

Папоротник глаз закрыл свой.
Тихо плачет
вечный жид,
нежную слезу роняя.

2009–2013

Казнь колдуна

Не компьютерное чудо –
голливудская зараза,
фотошопленное действие,
новодельный стыд и срам, –
колдуна живьём сжигают,
тьфу, тьфу, тьфу, как бы не сглазить...
Развлеченье ротозеям
и подмога Небесам...

Ух, чубайсово отродье,
псовый хрен из под забора,
кровью рыжею застойной
на глазу слепой луны
на пергаменте
из кожи удавившегося вора
ты зачем писал, собака,
под диктовку Сатаны?!...

Дьявола печать не смоешь...,
во весь лоб шипит-дымитя.
Отольются тебе слезы православных,
черт лихой...
Бабка видела Настасья,
как на Маслену седмицу

ты таскал под левой пяткой
золоченый крест Святой.

Уж мы били-колотили
тень твою, –
трясли-лупили.
Бесы-духи разлетались,
расползались до поры,
бабы глупые визжали,
свиньи чёрте что рожали,
слышно было как рыдает
ведьма с Киевской горы.

В Муроме её сестрица,
надрываясь, голосила,
в Переделкине злой попик
старые рога скосил,
сволочь адская ватагой,
наливаясь новой силой,
не сдаётся, в теле бьется...
Чур мя! Господи спаси!

Словно умерший колодец –
мутный взгляд, заросший тиной,
желтый – волка-россомахи глаз –
безжалостный, как тать...

Отойди, народ крещёный,
покрестим его осиною,
чтобы силу молодому
не успел он передать...

Кончено. Пожар потушен
ледяной водой речною,
обжигающею водкой,
красным кровяным вином.
Пейте, люди, веселитесь,
ведьму сделали вдовою!
Только эта смерть – предсмертье,
главная придет потом...

2010

БОЯРЫНЯ МАСЛЕНИЦА

поэма

1

Встреча Масленицы

Блин схватив, по околотку,
через огород – в народ
на ухвате малый прёт,
и во всю дурную глотку
во все стороны орёт:
– Прощай, зима сопливая,
входи весна гудливая...
Будут горушки катливые,
а мы – детушки счастливые...

Встречный всяк его ласкает
и подбадривает,
даже пьяница кивает
и поддакивает:
– Масленица, ясно дело...
Прилетела, улетела...
Ох, робята...
Хоть с себя что заложу,
встречу честью, провожу,
дело свято!

Молодняк, хлебая пиво,
пиво–бражку, – с огоньком
на всю улицу горланит
да под тёщиным окном:

– Как мы Масленицу все поджидали,
все дорожки перед ней обтоптали,
сверху маслицем вокруг поливали
и сопливую зиму провожали.

Чтоб на масличной неделе
из трубы блины летели.
Чтоб они летели в небо жар-птицами
через ямины, холмы и ухабы,
чтобы девки были гладкими,
чистыми,
чтобы были ядреными бабы...
Эй вы, тётки, не скупитесь,
чем-нибудь, блин, поделитесь...

2

Хоть на час – да вскачь,
хоть ведром, – да спотыкач.
Кончив худо жись,
ты за Бога не держись...
Подкрепись, родной,

первый блин за упокой.
Угощайтесь, люди сердешные,
помяните и мою,
душу грешную...
Ой, ой, ой, ой,
первый блин за упокой...

3

Кулачный бой

Как из змея стоголового,
из толпы шагнули в снег
и пошли ломать весёлого
под задорный свист и смех.

То идут, в тоске измаявшись,
словно после первача,
подбоченясь, приосанившись
и разгульно хохоча.

Шапки наземь, в небо бороды,
грудь по ветру – на ходу.
И, как по Парижу-городу
во четырнадцатом году.

То притопнут – среди прочего,
словно лешие в лесу,

строят рожи и заносчиво
похваляются вовсю.

Тешась богатырским голосом,
славно душу отведут,
а потом, ероша волосы,
за гармоникой идут.

Лепота! Довольны зрители.
А в сцеплялке-свалке – ад:
уже первые воители
без зубов в снегу лежат.

Кто кого в толпе окучивал? –
каждый буй-тур получил...
Кулаки летят могучие,
как по небу кирпичи.

По загривку, по сопатке ли,
под микитки – вам и нам.
И свистят удары хваткие,
как цепами по снопам.

Многоруко-главый змеище –
машет, машет в укорот
супротивников редяющих,
совершая обмолот.

Бабий визг и стоны брошенных,
и всю реву басы.
Скулы к черту перекошены
и расквашены носы.

Сам на сам уже разбилися...
– Врешь, собака, не уйдёшь...
Дунечка в меня влюбилась,
мать твою, ядрёна вошь!

Плохо с матерью старухой.
И другая плачет мать...
Но в догон цепляет в ухо он,
словно хочет оторвать.

Празднично на свежем воздухе!
Скоморохи, хрен вам в рот,
ну-ка в пляс, и чтоб – без роздыху,
распотешился народ!

Славим зрелища забавные!
Главно, в пах не бить ногой...
С Разгуляем, православные,
отзовитесь, кто живой...

Взятие снежного городка

Жеребец горячий пляшет,
как цыганка молодая,
с седоком на ровном месте, —
с перетопом перестук,
мускулистыми ногами
сваи в землю забивая
и лоя тревожным ухом
приближающийся звук.

Пляска, словно волхованье.
Он пыхтит, сопит по-бычьи,
задом пятится
и бельма пялит, поедая даль,
и дрожит, как злая шавка,
от присутствия добычи,
чёртовым долбя копытом
льда крошащийся хрусталь.

Словно пёс цепной на вора,
рвётся вдаль и морды кажет,
и косится на соседей,
на дыбы взвиваясь вдруг,
и такие выдыхает струи огненные,

даже
чувствуешь, как закипают
снеги белые вокруг.

Пятки в бок ему хозяин
лихорадочно вонзает,
и летят, как бусурмане,
с храпом-воплями вперёд,
тело злобное пылает,
лёд под ним, сгорая, тает,
кажется, что конь
в пучине снежной на тот свет плывёт...

...Предки-русичи когда-то
так к Мамаю выходили,
Челубеев выбивали
из седла и из ума, –
впереди копьё светило,
сзади – столб дорожной пыли,
со стены рукой махала
Богородица сама...

Вот летят, как бесы, кони,
рассыпая в небе ржанье.
И в зрачков прицеле –
крепость обливается водой,

то стучит-трещит дрекольем,
то молчит, как каторжанин,
то, взрываясь буйным смехом,
бьёт стрельбою холостой.

Пеший вверх ползёт по стенке,
крюк стальной меж глыб вбивая,
вплавливаясь жарким телом
в защищающийся лёд,
а на бошку – глыбы снега,
льда, водица ледяная,
но ползёт он, примерзая,
всё ползёт, ползёт вперёд.

– Врёшь, собака, не удержишь,
не того мы званья-роду,
не сдаёмся, –
может, сдуру –
ни колью и ни навью. . .
С треском грохнулись ворота,
всадник внутрь прорвался сходу,
словно кур во щи, –
врубаясь в треснувшую полыню.

Вот уж пошла потеха и умора,
все, кто был там

бросились на укрепление –
кто с колом, кто с топором,
всё сломали, всем досталось,
будь ты конь или кобыла,
передрались-побратались
и докончили погром.

Утопавших – утопили
в винно-водочной посуде,
в баньке веничек пошарил
так и наперекосяк, –
это кто там спьяну брякнул, –
победителей не судят?! –
мы в России, братцы, –
праздник не бывает просто так...

5

Разгуляй

В. Месяцу

Кто на Руси
не любит шумной казни,
веселой разудалой русской казни –
с блинами и икрой кроваво-красной
и водкой серебристо-ледяной?!

Гуляй, честной народ,
сегодня праздник,
гуляй, братва,
и пей за сырный праздник.
Царь-батюшка не любит трезво-праздных,
царь-батюшка сегодня сам такой...

Попеть бы, погулять бы, побухать бы,
и с каждой спелой бабой справить свадьбу.
Под утро свадьбу,
ночью снова свадьбу.
Чё рот раззявил, наливай полней!

Кто кровь не любит погонять по венам,
севрюжинку и с хреном и без хрена,
язык русалки к яйцам или к хрену!
Ух, расплодилось по весне лядей!

Как весело, легко снежинки кружат,
румяных мягких баб головки кружат.
Из сочных девок груди прут наружу
и набухают солнцем и весной.

И парни, затянув себя потуже,
друг – дружку лупят искренне по рожам,
по красным мокрым

и счастливым рожам.
Ведь праздник,
праздник к нам пришёл домой!

Дудят рожки и громыхают трубы,
и чарочки братаются друг с другом.
Лихой купец целует девок в губы
и самым сочным дарит соболя.

И казнокрад монаху дует в уши
и нищим пятаки бросает в лужи.
Ведь завтра он уже царю не нужен,
башка его не стоит и рубля...

И вот везут по кочкам и ухабам
большую разухабистую бабу,
соломенную фифу, дуру-бабу.
Не баба –
смерть уселась на санях.

Ее когтит медведь, она и рада.
Цепной шатун-медведь.
И нет с ним сладу.
Он мясо жрёт, пьёт водку с шоколадом.
И пиво пенно плещется в бадьях.

Вокруг идет-гудёт война-работа,
храп лошадей и псовая охота.
И мне охота, и тебе охота, –
так получай метлою в левый глаз.

Ну, потерпи, соколик, белый голубь...
Ты победил,–
тебя за шкварник – в прорубь,
глотни с ведра.
И голым задом – в прорубь.
И ещё раз.
И двести сорок раз...

А праздник разгулялся,
шумный праздник,
полнеба подпалил уже проказник.
Он, как жених, красив палач-проказник,–
лишь спичкой чиркнул.
И – за воротник.

Он язычком ласкает бабу красным,–
огонь, огонь,
ах, как она прекрасна
в страданьях...
Кто не любит шумной казни...
Кто не любил, давно уже привык...

И пьяный попик на корявых ножках
пьёт из горла.

И с ним какой-то – в рожках,
пушистенький –
в совсем нестрашных рожках.
Даёт-суёт хрустящие рубли.

Едят блины и взрослые и дети,
едят блины и «до» и «после» смерти.
У русских –
первый блин идёт за третьим.
И за четвёртым – тоже
первый блин.

2009-2013

Памяти Кузнецова

Я пил из черепа отца...

Юрий Кузнецов

В земле слепой и не родящей –
сошёл как мрак хазарский страх
на мир наш,
на костях стоящий
да на отеческих гробах.

Кого боимся мы обидеть,
ища – по мёртвым –
путь домой?!...
Седой Олимп – Его обитель –
накрылся Лысою горой.

Враги, как псы, пространство метят
и время метить норовят...
А мы опять одни на свете –
как много тысяч лет назад.

Спит Гений вещим сном святого
в славянской мгле – среди снегов.
И в бездне дара рокового,
отринув вражий череп,
снова
я пью из черепа Его.

2011

НЕ-МОЙ

поэма

1

Безуглomu Б.

Немой безумец появился ночью,
мерцая взглядом,
мне письмо дает:
«Ты должен
говорить учить мя, – Отче...»
И потащил в сгоревший самолет.

«Я – лётчик-испытатель был,
высоты
я покорял в честь Родины моей.
И на посту погиб, уже в полёте...
Как СССР...
Никто я и ничей.

Я импульс твой
из будущих пространций,
оживший, как адамово ребро.
Я вылетел – во время – из пространства.
И космос я вне Родины обрёл.

Тебя я выбрал – ты тоской исполнен,
ведущий сына отчею стезёй.
Сведу тебя – на время – в преисподню,
развею в пух и прах, сравнив с землёй.

И Рим увидишь, и свою Россию,
и станешь самым низшим –
так и быть –
научишься не есть,
не тратить силу...
Но ты меня научишь говорить!»
Смотрю в его лицо
и понимаю, –
в глазах – моя судьба.
Вдруг из под век
я выхожу, и голубем пускаю
свой голос: «То сигнал мой, человек...»

В висках гудит,
я сам себе не верю...
но в сердце слышу тот же самый гул:
«Сё человек! И он стучится в двери.
Открой ему!»
Я больше не могу!

Чу, голоса!...
Кто был это? –
Туманно
в глазах и мыслях
(может, чей-то сглаз?).
Не дочитал до дна я книги странной
его могучих – до безумья – глаз.

Ну вот и всё...
Теперь пора обратно –
туда, где жил – в неведомой тоске...
Но мне вослед вопят немые братья
вне русских слов
на русском языке.

2

Иль душа исчерпалась моя,
или речь потеряла основу?!
Но язык – сквозь столетья –
по Слову
чертит круг – на Восток бытия.

Нету сил немоту удержать,
поднимаясь в глубины сознания.
Затопляет ненужное знание,
суею разъедая, как ржа.
Дальше космос...

И вспомнить боюсь,
что скулит родовая природа...
Но какие лихие уроды
душу вводят упрямо в искус.

Вслед за солнцем пойду сквозь века.
Оглянусь...
Но монгол гикнет сзади!
И зарежет кривыми глазами
то, что свалится
с языка.

3

Я был нем среди вчерашних прозрений.
Вновь безумец возрос со спины
и копать стал
вдоль собственной тени
день за днем
вглубь столетий иных...

Нависали забытые лица
по-над бездной,
а он через шаг
то стрелу запускал за границу,
то скуластый петровский башмак.

То кровищу с нечистою силой
из буденовки выплеснул прочь.
Смерть, косою взмахнув,
в небо взмыла.
Отчий череп скатился обочь...

В землю сгинул безумец полночный,
страшный дар я руками схватил,
как прозрели безглазые очи:
«Ты признай меня сыном своим!

Я отцом твоим буду в Той жизни,
но вселюсь в тебя Здесь,
словно в Храм.
Станешь камнем Грядущей Отчизны, –
как мой гроб, твоя Вера стара...»

Свет пропал.
Растревожено стало.
Ком могильный упал в мои сны.
Появился безумец усталый,
стал копать,
но с другой стороны.

Ладно, Бог с ним...
К отпущенным срокам

отчий череп – сквозь все времена –
мне нести,
словно чашу Востока.
Да наполнится Духом она!

Бог со мною...
Мне надо не много, –
Откровения – в день изо дня –
как земле
под лопатой Немого:
«Ты моё люби, не меня...»

4

Здесь русский дух подавлен интеллектом,
теряясь в подсознательном...
И слог –
вне русских слов – понятным диалектом –
снисходит до толпы
как местный бог.

Душою – в гроб,
а глоткою – наружу
здесь каждый сам себе и Бог, и чёрт.
здесь русский хлеб,
осыпавшийся в лужу,
судьбой не принимается в расчёт.

Здесь к Западу все тянутся руками,
отбрасывая тени на Восток.
Здесь искренне протягивают камень
голодному,
приняв на грудь – «по сто».

Здесь каждый ощущает запах смерти,
хоть не осознает свою вину.
Здесь можно даже смерть свою измерить, –
лишь резко
влево руку протянув.

Здесь можно всё забыть, оставить в прошлом
и не понять –
от Родины вдали –
как сушат шаг, черствея на подошвах,
сырые крошки аржаной земли...

5

Соблазнами, ниспосланными с неба,
влеком на протяжении веков, –
отправился я, взяв краюху хлеба,
на поиски безумца своего.

И грезил я грядущими веками,
но в прошлое лишь взглядом попадал.

Вечер набрел на вещий серый камень.
На нем надменный ворон восседал.

Он встрепенулся.
Крыльями косыми
затмились солнце, тень моя, тропа.
«Сей камень –
пограничный столб России,
сто лет уже – как с неба он упал.

Он выбор твой, он вечный твой хозяин,
дающий силу слабым в трудный миг.
Чем дальше пред твоими он глазами,
тем меньше остается для других.

Решай.
Твоей гордыне не удастся
вне разума мытариться весь век.
Пойдешь направо –
вступишь в государство,
налево – ты свободный человек...»

«А где же Бог?! –
Ответь, седая птица...»
Исчезли камень, ворон и тропа...
Смотрю,

к земле –
прям посередь границы,
вжимаясь в почву,
мой немой припал.

Как будто воду пьет – притом не в меру.
Промежду пальцев проросли цветы...
«Я слушаю, что происходит в мире
на свете Том,
теперь послушай ты.

Как родовое срубленное древо,
твоя Отчизна, в землю угодив,
в крови омывшись,
вышла Светлой Девой.
Ты сын Её, тебя ждёт мир, –
иди!

Ты есть един – ты воплощенье рода –
в тебе поёт не вытравленный плод.
Ты – Человек, ты – Дух Того Народа,
ты – самовозрождаемый народ.

Теперь иди, неси свой крест к порогу
иного Царства, –
пасынок мечты.

По мертвецам сюда найдешь дорогу.
Меня же больше не увидишь ты!...»

Ну, вот и всё. Прочь от воспоминаний –
к родным и просветленным небесам,
шепча себе святое заклинанье:
«О, врачеватель,
исцелися сам».

б

Я вышел из земель –
с каких лишь мёртвым
возврат возможен – в качестве идей...
Я здесь, как пыли столб, как воздух спёртый,
как перевоплощение людей.

Вершу среди оживающих надгробий
свой круг,
что предначертан был судьбой.
Из праха
проступают тел подобья.
И русский дух общается со мной.

И мать-земля расходится кругами...
Навек встают под флаг мой мертвецы –
убогих дедов светлые отцы
звонят мечами и гремят костями.

Родимым песням предаются вволю
и пашут землю,
обнажая суть.
Я их могилы посыпаю солью –
чтоб смерть ко мне совсем забыла путь.

И на слезах моих взрастает небыль, –
пуская корни в будущность и в старь, –
что человек, подняв глазищи к небу,
прочувствует, как Истина проста...

Из круга выйду я –
в родное лоно, –
над Спасской башнею звезда взойдет.
И вовремя родившийся ребенок
меня – по Слову – к людям отведет.

7

Толпа, плодоносящая от Слова, –
суть есть –
Народ от Личности моей,
когда мой дух,
пройдя путем Христовым,
на землю ступит в качестве идей.

И это мой народ,
что ждан и гадан,

что вечно рядом – в песнях, сказках жил,
взыскующий Божественного Града
середь земли, вдали от зла и лжи.

Во мне оживший –
с тем и этим светом –
на тайный глас пришедший к алтарю...
Рим и Византиус...
Россия! – этим
я именем отныне говорю.

Познав – как благо свыше –
распростертым
себя на предначертанной доске,
я буду говорить на русском мертвом –
страны немых – творящем языке.

Вот он, мой крест.
Вот дедовы заветы.
Вот та одна из множества дорог.
Кладу поклон в четыре части света.
Ну, вот и все:
там Бог, а тут порог.

1991-2009

В могиле

Божья милость известна заранее –
всё своё испытать на горбу.
Проступает чужое сознание
в запечатанном чёрном гробу...

Облевавши вонючего трупа,
от себя не нашёл и следа.
Лишь козлиную мерзость нащупав,
осознал вдруг, – попал я куда.

Всяка нечисть набилась:
в повале
гады скользкие тыкались в бок.
Непотребные девки стонали,
пенной жаб обпуская между ног.

В предвкушении пёсего князя,
как гнилушки, светясь в темноте,
натерлись из печени мазью
некрещёных умерших детей.

А сожрав лягушачьего кала
с порошком из костей мертвецов,

Пучеглазые ветры пускали
в беззащитно гнилое лицо.

И на том затянувшемся бале,
закрутив в беспредельный тупик,
черти пьяные в душу плевали,
на нательный мой крест наступив.

Кровью тварей погубленных –
милость
протекла, как заря, поутру.
На устах, что в блевоте дубились,
зачалось Слово чистое вдруг.

Помогите мне встать!
Над собою
получил я свободу уму.
Снова день.
Но какую ценою –
я уже не скажу никому.

1991

Святогор

– Бог ты мой, что за свара клубится
в поднебесной твоей, не пойму...
Святогор выходил их светлицы
в чисто поле –
в кишашую тьму:

Грозны тучи крыла распластали,
буйны ветры секут из под ног
и змеёвы поганые стаи
наползли в перекрестья дорог.

– Или некому, братия, боле
за отеческу землюшку лечь?!
Шип змеиный и посвист соловий
заглушают родимую речь.

Эх, людишки – обмякли, ослабли,
поприжались, как блохи в шерсти, –
нет, чтоб меч наострить или саблю,
им бы ноги скорей унести...

– Что я вижу, – уж не с медовухи ль?
Свищут молоньи, тешится гром.

Три носатых, прозрачных старухи
тащат по полю кованый гроб.

– Что ж, приспело, наверное, время...
Размахнулся вдоль гиблых дорог,
порубил все змеиное племя,
огляделся вокруг.
Занемог.

Красно солнце приходит все реже,
сила буйная в теле гниёт,
мать сырая земля уж не держит,
поотвыкла – тяжёл для нее.

И во всю богатырскую удаль
меч вбил в землю.

Поклон положил...

– Эй, носатые, стойте покуда! –
в гроб вошёл.

Да и дверь затворил.

1991

Святогоров меч

То не тучи солнышко попрятали
И не ночь на землю навалилася
То на старый Святогоров православный меч
Воронье поганое слетелося

А стоит тот меч во чистом полюшке
Тыщу с гаком лет да ещё семьдесят
И зовет к себе он русских молодцев
Чтобы подняли его за дело правое

Только кто к нему потянется дотронется
И захочет его взять из земли-матери
Небывалой русской силой преполняется
И родимый для нее тяжёл становится

Расступается тут сразу земля-матушка
На четыре святорусских да на четверти
И уходит в землю добрый молодец
Помяная тихим словом свою силушку

Но идут к мечу и пешие и конные
Крест кладут на все четыре стороны
И хватаются за рукоять злачёную
Воронье с отчизны милой чтоб повыгнати

1991

* * *

Продираясь сквозь чёрные боры,
тьму народов и тысячу лет,
я себя ощутил Святогором.
Святогор –
мой отец и мой дед.

В генах Русь у меня.
Под удары
сотни раз я подставляю свой лоб.
Вон мой меч!
Эй, собаки-хазары!
И трещит на мне собственный гроб.

1991

**СМАХНИ
СЛУЧАЙНОЕ**

* * *

Когда Бог проклял землю, то ветрами
замёл дороги к истине самой
и всё живое выдернул с корнями.
И сгинул род людской.

И лишь деревья по земле незрячей
как высохшие ящеры ползут.
И, заклиная небо, корни прячут,
и новой почвы ждут.

1991

На могиле

На ладони высохла земля,
проросла в веках блокадным хлебом.
И в глазах, сливающихся с небом,
встали насмерть русские поля.

И покуда жить ещё могу,
я к ответу мертвых призываю,
их землей сырою попрекаю –
каждой пядью,
отданной врагу.

* * *

Н.И. Тряпкину

Дано нам жить под строгим небом –
у верной Родины в горсти,
чтоб, умирая,
русским хлебом
по всем окопам прорасти.

Как сеятель в часы восхода,
Любовь,
что Господом дана,
бросает
только в чрево рода
свободы вечной семена.

* * *

Душа моя – языческих кровей,
оставленная Богом без ответа,
что ты бурлишь, как древний Колизей,
живую плоть желая сжить со света?

Крепись. И пусть сегодня на кресте
ты никого не видишь сквозь завесу,
но даже в этой – мнимой пустоте
сжигают когти дьяволы и бесы.

Душа моя, лишь память сохрани –
шести часов последней той недели:
над миром тьма, враги одежду делят...
– Или, Или! Лама Савахфани!

21 псалом Давида

Боже, внимли мне!
Господи Правый,
для чего Ты оставил меня?!
Я далек от спасенья и славы.
И не ведаю ночи и дня.

Славословит Тебя,
Боже Святой,
мой Израиль в великих скорбях,
я же червь, Твоей волей зачатый,
от груди уповал на Тебя.

Но пришли они тучной толпою;
пляшет алчная злоба в глазах.
Пролились мои силы водою,
я иссох и повержен во прах.

Распинают меня – тем плачу я
за любовь к Тебе в жизни земной.
Псы презренные, гибель почуя,
повзбесились и брызжут слюной.

Веселятся враги,
кровью агнца
смыть желая грехи пред Тобой...
И на кости мои тыча пальцем,
делят ризы мои меж собой.

Спаси, Боже! –
Твое славлю имя! –
И продлит Твою волю мой род:
Он придет,
кто страдания примет
за меня и за весь мой народ.

1991

* * *

О Господи,
не искушай мя Словом,
не посвящая в замыслы свои.
Ты, как мечём,
крестом своим Христовым
любя мне душу с телом раздвоил.

Пустив по ветру обе половины...
Но Вера, Моисея помяня,
проторенным путем –
за пуповину –
сквозь годы в вечность повела меня.

И дух стенал вне опыта и школы,
когда, свистя,
из будущих времён
за ним неслись предвечные монголы,
воссев верхом на гробе на моём.

В земной утробе –
в корневищах рода
пытался я привить Твой Идеал.
Со всех времён, ветров и падших Родин
я свой народ по крохам собирал...

Да будет так, – земной удел не вечен.
Иду Тобой, как старовер в огонь.
О Господи,
лиши мя дара речи
иль это Слово в мыслях узаконь.

Последний договор с Тобою,
Спасе,
среди людей...
А там воздастся пусть.
След Сущего в земных трёх ипостасях –
Я и Народ мой, и Святая Русь.

* * *

Господь с тобой, моё языческое «Я»,
извечное, как Рим,
загнувшийся вне духа,
понёсшее в миру татарскою прорухой
и прочей поганью, по-русски говоря.

Господь с тобой,
зане, грядущим временам
путь к Богу осветив, дотлело древо рода,
пока сквозь пепл возрастал славяно-русский хам,
сживая на корню норманнского урода.

Окстись, душа!
За Русь, за нас, за эти строфы.
Искус постигни – сделать выбор за отца.
Взрослея памятью, пойми,
что вне Голгофы
свобода совести прощительна юнцам,

но не тебе, душа, –
Владимира виденье, –
что через всех монголов, сквозь разброд и страх
ещё пробилось как-то в наше поколение –
корявой лебедой в приплюснутых глазах.

Господь с той лебедой,
таящей подоснову
земного бытия,
когда уже невмочь
этический соблазн Пришествия Второго
от «Я есмь путь»
в себе самом перевозмочь.

* * *

«но всяким словом, исходящим
из уст Божиих» (Второзак. 8.3).

Когда познать дано
мне будет участь Слова
и в Боге умереть на всех земных углах,
то мать моя и сын в предчувствии былого
уйдут в последний путь с печатью на устах.

Земля меня простит
и устоят основы,
и кровь уйдёт в песок, стекая по челу.
Всё будет, как теперь:
вначале было Слово.
Но мало помнит кто –
зачем и почему.

* * *

Гряди ж, Иусе Господи, скорее...
Утробу выжги матери-земли,
покуда мы,
из рода в род зверея,
тému душ своих на трон не возвели.

В их вязком мраке-
с мудростью свиной,
полуживую память теребя,
рождаясь,
рвём скорее пуповину,
заражены –
свободой от Тебя.

А по Руси шакалов диких свора
ширь бороздит – за костью дармовой.
Дай умереть от рук ночного вора,
в своей крови крестившись пред Тобой.

Скорей гряди,
пока нетленны Цели
того Завета, что прошёл века.
А мы и Новый не уразумели,
а уж без Третьего
жить не хотим никак.

* * *

Александр Худорожкову

Там, где гудит страна,
предвосхищая сечу,
и не зачатый плод кричит из бездны дней,
там всем нам танцевать за голову Предтечи
и, получив её, не знать, что делать с ней.

О, бедный мой народ,
разверившийся в Слове,
на горе и крови свой замесивший хлеб,
беззубым ртом опять свистаешь клич соловий
и точишь лезвиё впотьмах своих судеб.

Искупят сыновья отцовскую проруху.
И день придёт, когда сердца отпустит ржа.
Но не дано нам знать,
подняв на ближних руку,
как светел Божий Лик
на полотне ножа...

* * *

Глаз мертвой девушки чуть-чуть подслеповат.
В него война глядится, словно в воду.
И видит сквозь него слепой солдат
кровавый путь в Господнюю свободу.

Сё попушенье пасмурных времён, –
где в гневе поднял камень брат на брата, –
в бесславной бойне не оценит он
и не опустит дула автомата.

И тени искорёженных друзей,
взывая к мщенью, восстают из праха.
И ангел –
в окровавленной слезе –
взмахнув крылом, сползает на рубаху

и чёрный штык.
А враг придёт назад,
как подлый тать...
И повернувшись к Богу,
обняв холодный труп,
сидит солдат
и мёртвым глазом смотрит на дорогу.

* * *

Где мосты сожжены и деревни погублены,
и где воздух тлетворный бесплоден и слеп,
где могучие руссы под корень подрублены,
там цветёт наш корявый,
безрадостный хлеб.

И где катит тягуче –
с последними силами
смерть-старуха свой крест –
на скрипучей оси,
окопалась земля родовыми могилами
среди глада и мора великой Руси.

* * *

Под бестрепетным лунным прицелом
слышу землю
с другого конца.
И ложусь в неестественно белом
на могилу отца-праотца.

Слышу зовы и рая и ада,
но во мгле не пойму, где какой, –
в небеса с легким шелестом
падаю,
в небо смерти и жизни самой.

И когда люди лихие –
с пулей-ножичком
тешатся тьмой,
мертвецы,
испокон не чужие,
вырастают стеной крепостной.

Пофамильно,
повзводно,
поротно
мои прадеды-деды идут
с ненаглядными,

с самыми «родными»...
И дядьев молчаливых ведут.

Сердца стук, –
словно бубен шамана,
дословесная тёмная речь.
Предки,
смертью прикрывшие раны,
жизнь живую выходят стеречь,

прорастая во мне васильками,
проливаясь водою живой,
и губами шепча и сердцами:
– Не боися, сынок, мы с тобой.

Крест нательный к губам прижимаю
и о здравии Бога молю.
То ли жизнь мертвецам продлеваю,
то ли смерть приручаю свою...

2009

* * *

Волга впадает в Каспийское море.
«Хрен» – неприлично писать на заборе.
Писать в подъезде – неправильно тоже,
здесь твоя хата,
прости меня Боже.

Здесь твои предки и здесь твои корни,
здесь ты впервые прочел слово «порно»...
Родичей глупых, прикольных на вид,
клинскопивной индивид-паразит,
выйди во двор,
загляни за края.
Это, придурок, Отчизна твоя!...

Выйди в народ, в гиблый воздух свободы, –
катит валы свои Волга сквозь годы...
Разное, впрочем, у каждого горе...
Писай, паскуда,
в Каспийское море...

2009

Лунная походка

Небо в алмазах...

Антон Чехов

Радость – реже, нежность – реже, реже...

Нет любви,

почти дошли до края...

Что ж меня ещё на свете держит,

в полночь вглядываться заставляя,

заставляя вслушиваться в память,

в сердца недвусмысленные стуки?

К тем, что,

жданые, придут за нами,

искренне протягиваю руки.

Душу не измерить на промили, –

вытекает,

капает прилюдно...

Не о тех я,

что Битлы вскормили

матери-земли отцовской грудью,

обещая облака в алмазах,

заглушая стоны нежным роком.

Раз за разом
свежая зараза
пробивает тело жгучим током.

Родина растрочена – навеки,
словно жизнь,
ушедшая к другому.
Кожаные афро-человеки
в душах рыскают – от дома к дому.

Что я, негр, прорвавшийся в Европы,
чтобы слушать в песнях **черный** топот
и смотреть,
как высунувши жопы,
дурни прутся в «рэпах» и «хип-хопах»,

чтоб людей,
заезжих за удачей,
видеть приложением к Экрану, –
вспыхнет он,
и те, кто не заплачут,
от судьбы получат по банану...

Вспомнил я родной, но не любящий
город кузнецов и камнерезов...
Он не пахнет Русью настоящей,
пахнет потом, смертью и железом.

Не содрать с больной души проказу
и от крови не отмыть ладони.
Над Свердловском небо не в алмазах,
в кирпичах Ипатьевского дома...

Русь моя, любимая, родная,
неужель,
затравленная в небыль,
над собою не удержишь неба,
как душа,
за край перетекая?

Неужель,
искусственные дети
напрягутся думою короткой,
что не жили «предки» на планете, –
прошвырнулись «лунною походкой»...

2010

Грозный-Сталин.ру

Петру Калитину

Реклама пашет, пипл давится...
но хавает –
в любом столетии...
Мозги заморским пойлом светятся
уже на том ли,
этом свете ли, –
ТиВи никак не выключается...

Растративши остатки силищи –
отравлен царь – владетель нации,
что за «коварство» иностранцами,
был грозно наречен «Васильичем»,
в преддверии канонизации...

Не слышно слёз, не видно радости,
кровь в жилах встала, ищет выхода.
Не царским делом занимается,
напичкан ртутью, словно градусник,
лежит холодный и невыгодный –

ни галлу-Карлу, что бургундского
перечерпав хрустальной кружицей,
вдруг в ночь Варфоломея грустную
решил «вломить»
боярам..., кажется...,

ни инквизиции Филипповой, –
еретиков сжигавшей заживо,
где толпы в истерии ражевой
восторженно встречали каждого...
поэтов слушая филиппику,

ни Генриху, потомку Каина,
что всех бродяг,
почуяв силищу,
повесил семьдесят две тысячи...
Но вот, в отличие от Васильича,
ни впал ни разу в грех раскаянья...

Ни шляхте, ни Расее – матушке,
а только сталинской империи,
где new-опричники-ребятушки
играют с закулисьем в прятушки
у бездны глубину не меряя...

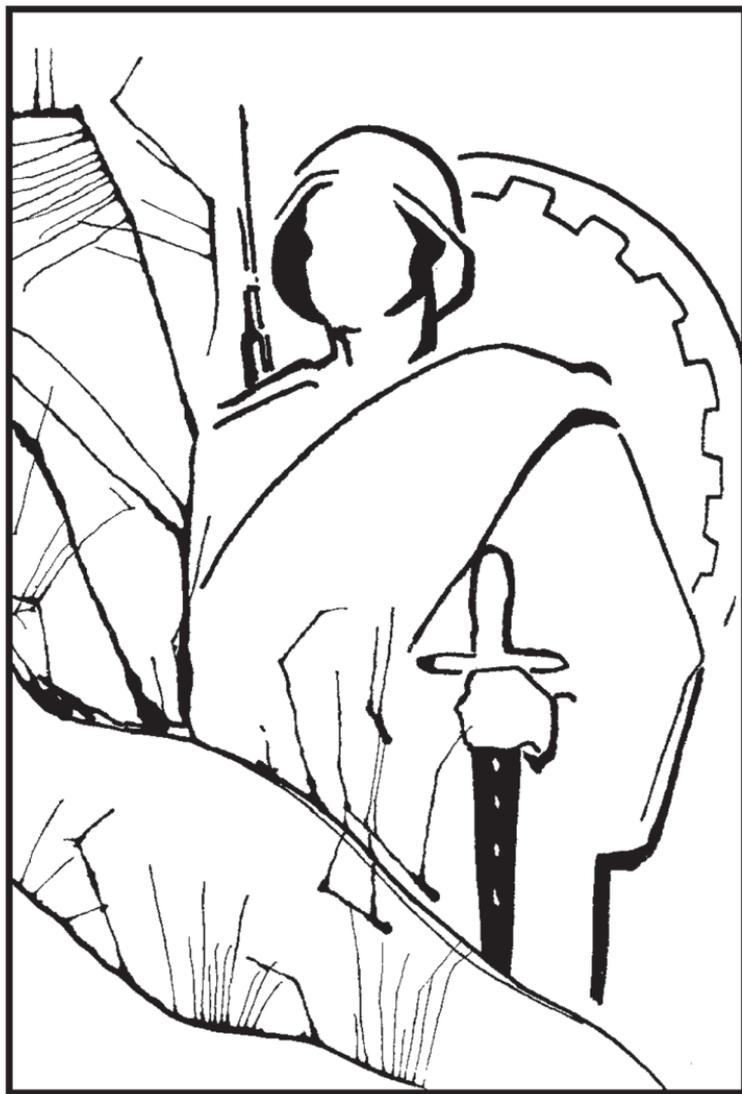

Но поглощаясь этой бездною
и отрекаясь от Хозяина,
ртом кислород ловя отчаянно,
кумира сотворив из бездари,
ещё живут –
как бы случайно...

Иконы на дрова расколоты,
да так, что опускаю лиру я,
склоненны не секуще – головы...
И SNN на мир транслирует
ток-шоу «Глупые и голые».

Летят века, тупеют зрители.
Колокола ревут и празднуют.
И слухи ползают заразные.
Мерцает в небе Лик Спасителя.
И молятся попы
за
разное...

2010

* * *

Сотри случайные черты...

А.А.Блок

Смахни случайное.
В руинах
лежат Царьграды-города...
И древний воздух пахнет тинной,
и от сельджуков нет следа.

Лишь имя старого Кимера
в душе встряхнет холодный мрак
и византийские химеры,
и Рима треснувший кулак.

Из волн зубцы Кремлевских башен
встают в непознанной красе.
Здесь наше всё и всё не наше.
И незнакомое совсем.

Из моря в небо многотонно
посадочная полоса
растет, как сталактит бетонный...
И до Москвы лишь три часа...

2010

* * *

Ночной свободы хаос безотчетный
к духоустройству прививает вкус,
весь этот мир –
от Бога и до чёрта –
на миг
выстраивая наизусть.

Пустая блажь,
встающая из пепла,
в простонародьи званная судьбой,
что при рожденьи памяти ослепла
и по миру пошла с лесной клюкой –

за ради хлеба –
да ещё немая –
мысль,
жадностью наполнившая рот, –
кто всё уже на свете понимает,
тот ничего, увы, не создает...

Ему осталось только обонянье.
Но выхолощен воздух поутру,
где мысль,
лишь отягченная деяньем,
сойдет за правду на людском миру.

Но, правя ежедневную заботу,
природа проступает даже тут –
и дерева,
вытягиваясь к Богу,
корнями землю,
как собаки, рвут...

Уже сознание не боится сглазу.
Встает слепого солнца торжество.
Ещё Христа не принимает разум,
а дух
уже свершает путь Его...

1992

Те слова

Быть русская дуэль должна кровавой!
И ровно в десяти шагах от ада...
В раю нам не ужиться.
Боже правый,
прости за всё,
а царь простит за правду...

Я те слова вдолбил себе, как пулю,
что гений воплотил в немом экстазе.
И шёл злодей по вымершему полю,
но Пушкин падал и, считай, промазал.

У каждого свои по жизни цели...
Но с детства словесами нас пугают.
И Пушкин умирает на дуэли.
И в памяти, как пятна, проступают

и те слова, и та земля сырая –
от Черной речки до бездарной пули.
И я иду и Пушкина читаю.
А те слова сжигают и волнуют...

1997-2009 (Пасха)

* * *

Не надо Пушкина не знать.
И о судьбе его мечтать, –
зевая и скучая...
Не надо с Пушкиным дружить
и по гостям его водить,
в масонстве уличая.

А надо ровно столько знать,
чтоб землю с небом различать
и волюшку с неволей.
Ведь надо Пушкина шептать,
а лучше Пушкиным молчать, –
как в пятом классе –
в школе...

2008

«Русский Икар» И.С.Глазунова

Не бывает тягостней минуты...

Падая в глухую высоту,
полный восхищения и смуты,
прикасаюсь к тёплому холсту,

где художник кистью упорной,
в сотый раз познав величья миг,
затирает в небе рукотворном
проступивший выщербленный лик.

И ложатся краски оголтело.
И над миром горбится гроза.
И встают,
живущие вне тела,
очень самостийные глаза.

И тебя находят среди многих,
сея в душу первобытный страх.
Так, старея,
умирают боги,
воскресая в русских мужиках.

1995

* * *

Люблю твой колокольный звон,
Россия-мать-земля сырая,
извечный череп подымая
оратая иных времен.

И смерть,
метущая косой,
о лемех молнии высекает.
И ветер утренний взвевает
лишь пух вороний
над тобой.

И все,
кто в вечный прах ушли,
встают – без имени и даты.
И все мы тут,
родной земли
христоролюбивые солдаты.

1990

* * *

На кладбище,
где мирный дух и негарь,
и храм лесной струится средь ветвей,
там батушкина пустынька к ночлегу
встречает чаепитием гостей.

Там и без слов открыто сердце Богу.
И ветер слёг во вдумчивой ночи.
С молитвой тихою сливается дорога...
И бес в окно стучит...

1991

* * *

Лишь с Востока как будто над плахой
чёрны молнии на Запад сверкнут
Он восстанет из русского праха
буйны силы из уст изойдут

И от края небес и до края
с четырех застоялых ветров
сквозь Него перемётною стаей
мертвецы поползут из гробов

Завопят как голодные дети
и хоть будут стоять над душой
в узел свяжет Он северный ветер
бросит оземь и топнет ногой

И не вымолвив вешего слова
кол осиновый в землю вобьёт
крикнет свистнет коня неземного
и подошвы свои отряхнёт

1990

* * *

Тень креста пролегла через тёмные силы,
в бездну крысы, толкаясь, бегут из России.
И уже никого:
ни народа, ни Бога.
Только правых ведущая в вечность дорога.

И грядёт справедливость,
но между своими.
Молча крысы друг друга сгрызают во имя...

1990

* * *

С последним солнцем Рим объяла мгла,
когда из арамейского предела
тьнь от орла двуглавого сошла
к подножию родительского древа.

Ему томиться в поднятой пыли
с тех пор, как перевыкорчевав корни
и распавав лицо родной земли,
Микулушка хлебнул поганой крови.

На сладкий дух сквозь годы-времена
с восьми концов ползут собачьи дети.
И падшие слепые племена
по трын-траве разносит тёмный ветер.

Оставив нам в котомке божий день
и тягу к хлебу на родных могилах.
А над землёй кружит всё та же тень,
но распознать корней ещё не в силах.

1991

Могила Хомякова

Искали ль черта там иль ничего,
иль просто дурость пришлых одолела? –
Но вырыть прах задумали его
и перенести в соседние пределы.

А из могилы в небо выползал
премудрый дуб,
покрытый мхом и ветром,
что каждый, отводя, крестил глаза,
как бы представ пред тем и этим светом.

Вдруг, словно пузыри пошли со дна,
со всех глубин закопанного слова:
«Моей земле не страшен сатана,
я не нашел здесь ничего такого.

Копайте дальше,
но не в том вопрос,
кто тут лежит и, чей здесь гроб разрушив,
всей сутью в память этот дуб пророс
и пригвоздил, раздвинув ребра, душу.
Откуда корни?!»

Распрямя ствол,
сорвался древний лист в гнилую темень.
Свет вспыхнул и, возобновив родство,
с кладбища зашепили в вечность тени.

Черту сомненья люди перешли,
поддались кости заступу покорно.
И прах его был выбран из земли
и стал землёй,
но дуб лишился корня.

1991

* * *

Убиенному войску в былинах лежать навсегда.
Я последний солдат,
на кресте целовавший судьбу.
Сквозь подошвы мои прорастает трава-лебедя.
Через вещью кровь я по трупам иду на Стамбул.

Оборванкой свобода встречает меня у ворот,
собирая копеечку
в русский поверженный щит.
Нерадивая память в забвеньи считает ворон,
распластавших крыла надо мной
в православной ночи.

Над Софией, как Китеж,
восходит печальный Иисус,
неразумный народ свой
пытаясь представить во тьме.
Крик печали плывет с минарета,
как будто в лесу,
и не виден сквозь морок
Егорий на белом коне.

В недрах рода идёт эта гибель-игра.
И у ног цитадели не видно родного следа.
Запинаясь о собственный труп,
я иду на Царьград.
Через душу мою проступает трава-лебеда.

1991

Моё древо

Вдоль по тени креста,
заслонившего ворогам небо,
древо жизни моей
пролегает по отчей земле –
по-над проклятой Богом,
обильной не возвращенным хлебом,
где сквозь душу мою
пролетает Яга на метле.
И свистит Соловей,
и разводит чертей дева-рыба,
и поганый Тугарин
стрелу запускает в зенит.
Ветки древа сего,
раскорячась, вздымаются дыбом,
ветер с древа рыдать
на заросший могильник летит.
Там встает русский дух,
наливаясь антоновским соком,
слезы с голых ветвей
обретают в природе лицо.
Внук взял дедовский щит, –
его память в просторе высоком
мать-земля оживляет
руками своих мертвецов,

что растут из неё.
И вступающим в русское поле
меч и посох дают.
А когда они гибнут в миру,
древо жизни моей
пролегает сквозь отчую волю,
и на высохшем корне
листок зеленеет к утру.

1991

Памяти поэта-друга

*Они идут, земные люди,
В страну, которой больше нет...*

Борис Примеров

Мир душе твоей,
пращур Примеров,
что над мёртвой Державой возшла.
Над разбитой дорогой –
без веры,
над бытём – без кола и двора.

И твой дух,
не взыскаю земного,
вон исходит из русских полей,
где горит моё чёрствое слово,
облагрëнное кровью твоей,

озаря в молчании строгом
на тебя указующий перст.
Твоё тело, забытое Богом,
до могилы я нёс,
словно крест.

Даже в этой зияющей бездне
ты лежал – недоступно высок –
слово лишнее в тягостной песне,
падший ангел,
отбывший свой срок.

**ПОТОМУ ЧТО
Я РУССКИЙ**

Россия – Европе

Бутумуру
Забвенны римляне-титаны
и греки в подвигах-боях, –
сапог
извечен Чингисхана –
в увечных сроках-временах...

...Во мне природа шевелится, –
по венам, –
яроsten и зол,
в крови
на нервной кобылице
несется с посвистом монгол.

Прекрасен он в предверьи пира,
и дико-царственны глаза, –
живой сперматозоид мира.
Убить нельзя,
забыть нельзя!

Я, опьяненный,
кровь пускаю
себе,
почувствовав всерьез,

как я границы открываю
в неблагодарную до слез
Европу...

Пьян русак спесивый,
забыв тиранов и вождей...
Твой час, Европа, –
день в России
открытых окон и дверей.

2008

Краткая история

Не сосчитать тогда на свете было лун.
Мы были варвары, нам помогал Перун.
Но солнце красное, как зарево, взошло.
Мы были варвары, но это всё прошло.

Мы были Западом, Востоком и собой
мы становились под одной звездой.
Друг другу Родиной мы помогали стать.
И плыл орёл по тени от креста.

Шли за Урал мы с правдою в сердцах
и грели Родину в ладонях, как птенца.
И в Енисее – в пламени свечи
мы остужали звонкие мечи.

Но дух стонал, а счастья всё нет,
и наша кровь порой меняла цвет.
За веком век летел, за годом год,
мы были варвары, такое не пройдёт...

...Пропал орёл. И звёзды замело.
Мы были Родиной, но это всё прошло.
Мы были Родиной,
но оборвалась связь, —
Россия кончилась,
Помпея началась.

1993-1996

* * *

Когда сияла в небесах
моя великая Держава,
мы просто не имели права
знать о расставленных сетях.

Когда ж запуталась в сетях
моя великая Держава,
мы просто не имеем права
забыть о прежних небесах.

1995

* * *

Приди, покусись, оторви
от нашего русского хлеба
краюху заплечного неба,
настоянного на крови.

Приди, покусись и возьми
извечное русское поле
набегом языческой воли,
руками, мечом и костями.

Приди, покусись и уйди
погостами варварских полчищ.
И пусть тебе светит в пути
над миром разверстая полночь.

1995

Живые и мертвые

И палили танки по Руси.
И пожар взвивался над страной.
И летели души в небеси,
озаряя
в прошлом град святой.

И тела трещали, как дрова,
и светился пепел много дней.
И молчала пленная Москва,
ожидая участи своей.

Мёртвые не вспомнят про неё
и про нас.
Они в веках лежат.
И кружит над нами вороньё.
А над ними ангелы кружат.

1993

* * *

Памяти погибшего священника

Обелиск на растоптанной
братской могиле
всё коптит жжёным мясом
в бесстрастное небо,
хоть торжественный прах,
торопясь, выносили
на просевшие баржи
и сплавляли в небыль.

Только помнят подвалы,
как кровушку нашу
сапогами месили, мочой поливали.
Как, пустивши на круг
поминальную чашу,
в неё рыла свиньи себя окунали.

Как восставших из тьмы
добивали ногами,
повылазили бесы
под траурным сводом.
Но, златые хоругви
спустив пред врагами,

Русь Святая на них
не пошла крестным ходом.

Лишь в священном дыму
оскорблённую тенью
чёрный ангел
сверкнул и пропал в одночасье.
И гружёной баржою
без благословенья
уплывает Россия
на поиски счастья...

1993

Святое право

Настал черёд мой сводный брат,
омыть в крови святое право.
В бою никто не виноват –
ни сын ни пасынок державы.

Ты за мамону принял бой,
борясь с Христовыми полками.
Мы оба воины с тобой,
ну, что ж, померимся богами!

И правы будем мы вдвойне,
облекшись в дедовские латы.
Не на трибуне, на войне
солдат становится солдатом.

Своим богам и небесам
молись. И трепещи душою.
Русь терпелива, но и нам
обрыдло цацкаться с тобою.

Ну, а потомки нас простят
и песню боевую сложат.
И в землю отчую положат.
Иль прахом
пушку зарядят.

1993

* * *

Бесноватых мутантов немая орава
возжигает во тьме
мать-землю мою.
И в неё превращаясь,
я выстрадал право
за неё – за родную погибнуть в бою.

Пыль веков на чело
чёрной птицей садится,
обагрив русской славой
земное быльё.
В каждой пяди её
кровь золотая святится
и могила Христа в каждой пяди её.

И горстями зачерпнув
этой вечной основы,
я встречаю врага
на крылатом коне.
Ну, а лечь в эту землю
и слиться с ней снова,
прямо скажем,
не самый бесславный конец.

1994

Чеченская коррида

Махмуду Эсамбаеву

Над Грозным тягостная вьюга.
В шаманском танце хохоча,
смерть втягивает в пляску друга,
махнув рукой на палача.

И словно год назад – в столице –
грохочет танком, целя в лоб.
И черной птицею садится
на невостребованный гроб...

Для зрелища, стуча копытом,
встаёт коррида в полный рост.
По следу крови за убитым
другой ногами бьёт в помост.

Стан лебединый гнёт недобро,
дрожит, как струнка,
чтобы вмиг
рукой, как полной яда коброй,
врагу всадить точёный клык.

К хлысту чеченской длинной воли,
мечась на лезвии меча,
его душа, дрожа от боли,
льнёт,
кастаньетами звуча.

Щелчок. И вывалились бесы,
огнём обсыпав каблуки.
В белках кровавых
волчья несуть
разводит желтые круги.

Застыл тореро, хорошея,
в отважной дикой красоте.
И бычья вытянулась шея,
сверкнув рябиной на кусте.

Бой кончен,
выходя из роли,
танцор плащом стирает пот.
А по щекам,
как струйка крови,
слеза горячая течёт.

1994

Шамиль и царь

Абдулле Даганову

Велик Шамиль –
под знаменем Пророка –
когда в глуши смотрящих в небо скал
адатов древних тёмные пороки
огнем кровавым в душах выжигал.

Упрям Шамиль, уверовавший свято
в свой волчий жребий, как в земную сыть,
когда – на русский –
средством газавата
Аллаха волю стал переводить...

Но мудр Шамиль, дошедший до предела,
когда душой неистойой горя,
смирясь,
Кавказа раненое тело
отдал на милость Белого царя.

Но вечно славен царь-«завоеватель»
когда,
чтоб души тяжкие спасти,
имама Шамиля, поняв как брата,
на покаянье –
в Мекку отпустил.

2011

Абдулле Даганову

Наша жизнь – это песня.
И наши, даст бог, не допеты.
Нет давно СССР.
Но так хочется много сказать.
Абдулла дорогой,
мы с тобою всего лишь поэты,
Шар огромный земной
не дано нам с тобою объять.

Мы мужчины с тобой,
а мужчина, сам знаешь, не плачет.
И хоть Родины нет,
но кого и о чем нам просить?!
Абдулла дорогой,
мы с тобою поэты, а значит
Этот маленький мир
можем мы в своём сердце носить.

Памяти жертв Будённовска

Истории своей не надобно отныне
нам —
русским вырождакам
без воли и судьбы...
Лишь песня на губах,
как мёртвый в поле,
стынет
и матери кричат
в предчувствии беды.

В Руси отныне ночь —
из человеческих месив.
И смерть метёт косою
по полю спелой лжи.
Встаёт слепой солдат,
погибший в Гудермесе,
и, руки вытянув,
идёт по нашу жизнь.

О, Русь моя,
очнись,
ответь,
кому в угоду
твой желторотый сын

был послан на убой,
а царственный дурак
убийцам дал свободу,
чтобы наёмники смеялись над тобой?!
А ты, поймав в горах,
опять бы их простила,
забыв про боль обид,
предательства оскал...
Над проданной страной
плывёт свинячье рыло
и шастает во тьме обугленный шакал.

И женщины бредут
с глазами водяными
бесчувственной толпой
по колее войны.
В запёкшихся устах
одно застряло имя...
И верить хочется,
что живы их сыны.

И что вот-вот придёт
конец бездарной драке,
а вместе с ним
конец продажного ворья.
И под раскатистые всхлипы воронья

плоть русскую
не будут жрать собаки.

Пока же на Руси
года кровавой прозы
и мертвую страну насилует бандит...
Расстрелянный солдат,
подставленный под Грозным,
лежит
как Крест Святой
и в небеса глядит.

1995

* * *

Н. И. Тряпкину

Раскачиваясь,
расшатываясь,
приседая,
вынося головой проливной понос,
дорогу у мертвецов узнавая,
к России тянусь я, –
воскресший великоросс.

Она ж
меж могил разрытых стонет
и всё сползает в омут чёрных дней
с шершавой
тёплой
божеской ладони,
смотря глазами матери моей.

Меня знобит
как пред скончаньем века,
зубовный хруст
с земли крадётся ввысь,
мол, на Руси –
всё меньше человек,

всё больше, больше
серых русских крыс.

И вижу я,
как в мусорке смердящей
ещё живое что-то
что-то ест, жуёт,
корявой смертью, злобою ледащей
накачивая
выпавший дряблый живот.

И видел я, как девка простая
за доллары отдавалась
и за копейки.
Но из мокрой жопищи вылетая,
песнь любви свистали канарейки.

И снится
войны мне опухшая морда,
что, как сеятель, –
в похмельной качке
пригоршнями
разбрасывает по моргам
отработанных русских мальчиков.
Обгрызана земля моя,
изнасилована

маньяками разными,
гадами и безродцами,
что сосут её кровь.
Но взбесилась она,
чёрной мезтью
им под ноги льётся...

Я ведь добрым рос,
нежным, с мягкой душою...
Но каждый – варвар
в неурожайный год.
Рот поганого набив землёю,
буду держать, –
пока хлебом не прорастёт.

Шумит океан крови русской.
За нами
наши деды, впереди –
не рождённые дети...
Возвращается мама
с небесными глазами –
по трупам врагов
как Пресветлая Дева.

1995

* * *

В. Бондаренко

Я спокоен,
я абсолютно спокоен.
Только,
как у раздавленной псины,
в глазах стекленеет слюда...
Сё – есть
самая наиподлейшая из боен,
где подставлен был русский солдат,

что живьем ещё вмёрз
в полумертвую тощую почву.
Слово «долг» пузырится
на обгрызанных, нищих губах.
И вкогтившись в имперскую землю,
родную заочно,
он в Россию друзей провожает –
в красных,
как солдатская клятва, гробах.

Он обложен, как волк,
что обязан быть чьей-то добычей...
Наступать не дают...
Значит кто-то опять

под лопаткой найдет ржавый нож, –
он давно изучил тот
разбойничий славный обычай...
С голодухи блюёт по утрам он
от спирта и уполномоченных рож.

И гудит в голове,
что в такую войнушку играя,
интерес свой имеет
ползучая
кремлёвская власть.
А Россиюшка-мать,
голубица...,
бабища дрянная –
предала,
поревела немного
и бандитам как есть отдалась...

Я иду по Кремлю,
вижу Русь подтатарскую вживе.
А вокруг пустота.
и похмельный туман впереди...
Когда мордою в грязь
опускают свои и чужие,
то своих ненавидишь
до смертного хрипа в груди.

На колени, холопы!
Молитесь, покуда не в силах
вашу мерзкую плоть
на убой гнать – заместо коров.
Ведь какая же дрянь,
разлагаясь, течёт в ваших жилах,
если к нефти чеченской
приравняли вы русскую кровь?!

Я, наверное, плачу
на этих всерусских поминках,
жаль мне наших старух...
Но не жаль мне –
других матерей,
когда вдруг разрываются мины
под подошвами их сыновей.

Что сидят в роддомах,
бородатые рожи натужив
промеж белых коленок –
онемевших беременных баб.
И безумный Шамиль,
напослед выходящий наружу,
на весь мир вырастает
в кавказский крутой баобаб...

Сразу в круг стар и млад –
под камлания шаманского вопли,
словно кровь нашу топчут, –
на ножонках кривых копотят.
А из «мирного дома»,
пока мы разводим тут сопли,
замочили ещё пару русских ребят.

Миру-мир, праху-прах.
Молча смотрим на небо,
на чёрный пылающий крест.
Мы детей народим
и, даст Бог, восстановим Державу...
И простит нас свинья
и Господь, вероятно, не съест,
и «Аллаху Акбару» –
слава...

1996

Шестая рота

*Памяти русского солдата –
комбата Марка Евтюхина,
геройски погибшего с 6 ротой
104 парашютно-десантного полка.*

От возмездия банды уходят –
сквозь густой Улус-Кертский туман.
Словно чёрные духи природы
с гор стекая в ночной Дагестан.

Бог не смотрит...
Но здесь по приказу
десантура вгрызается в тьму.
Тьма упряма, густа, непролазна.
И расклад – двадцать семь к одному.

Десантуру она накрывает,
наплывает волна за волной.
И душа за душой отлетает, –
вместо –
ангел становится в строй.

Бьются молча,
расчётливо,
страшно.

Слишком близко, –
и пушки молчат.
Вот сошлись в ножевой – рукопашной
духи тьмы и последний солдат...

Бьются в небе небесные роты.
Но и там силам зла нет числа.
И Шестая
небесной пехоты
рота в землю навечно вросла.

Божьи дети –
под Богом распяты.
Торжествует злодейка-судьба...
Но с небес слышен голос комбата:
– Вызываю огонь на себя!

Псков, 76 гвардейская
десантно-штурмовая дивизия –

Москва, 2008

Дикая дивизия

Хану Нахичеванскому

Разбрелись,
полегли в смутных небесах славяне.
И не ведал никто,
русский дух, – он жив, не жив?...
Отличились тогда други-братцы-мусульмане,
други-братцы пошли да в Брусиловский прорыв.

Австрияк пусть помрёт,
«накладут в штаны» мадьяры,
не должно их тут быть – на Карпатских на горах.
Там, где русский – в штыки,
горцы там идут – в кинжалы,
подчищая грешки...
Да простит меня Аллах!

Дайте саблей махнуть «дьяволу в мохнатой шапке», –
честь семьи отстоять, да за Русского Царя...
Убивали его,
но с рукой срасталась шашка,
его призрак – врага гнал за реки-за моря.

Полусотня орлов тысячу с земли сживала,
да в окрошку врага, –

чтоб не безобразничал!

И ползла на металл плоть живая – ножевая,
пулемётный металл замолкал и отступал.

Не имеет никто прав сказать, что горец дрался,
как обозник какой,

да за чьей-нибудь спиной!

Ни один не ушёл,

в подлый плен никто не сдался,

даже мёртвый боец продолжал свой личный бой...

Русский батюшка-царь восхищён был и прославлен,
впрочем, речь не о нём,

а о том, кто воевал.

Каждый третий-второй был к Георгию представлен,

каждый первый-второй, всадник или генерал,

если б был православным, стать Георгием мечтал.

И когда им кресты Божьей милостью вручались,

заменён был Георгий задвуглавленным орлом.

Каждый первый-второй, все от «птички» отказались:

– Нам верните джигита, да чтоб с боевым конём!

И Георгий взмахнул в небесах своим копьём.

Интересна судьба, а история лукава, –
царь пропал,
но в войне «дьяволы» пробили брешь.
И у верных престолу, обречённых и кровавых,
впереди у героев – был Корниловский мятеж...

2008

Русский бомж

Глаз налитой на скомканном лице,
разбухшем, словно в луже сигарета.
Стоит пальто у церкви на крыльце
и что-то шепчет Богу – с того света.

Он тоже был когда-то человек...
Имел свой дом и спал под одеялом.
И девушка, не поднимая век,
его когда-то в губы целовала.

Теперь он бомж.
И даже теплых слёз
нет для него в измученном народе.
Не подают.
И лишь смердячий пёс
к нему без отвращения подходит.

Но каждым утром, что уж тут скрывать,
он «бабу ждёт» и сдержанно воняет...
Но каждый раз с помойки «эта б...»
его метлой поганую сгоняет.

Он купит ей цветы, метлу, алмаз
за три рубля...
«Дай бабок», – глухо стонет...
И тянет мне в трясущейся ладони
свой налитой и одинокий глаз...

1997

Попрошайка

Ты чужой здесь всему. И извилист твой путь.
Но глядят прямо в душу глазёнки собачьи.
Ты любому готов даже руку лизнуть,
что тебе соизволила бросить подачку.

Ты как будто отстал... И порыв твой утих,
но настойчиво тянет штанину ручонка...
Ты боишься «ментов», а тем паче своих,
но уже кажешь зубы лихого волчонка.

Ты пока ещё слаб, вот годков через пять
ты возьмешь в руки нож, и душа загуляет...
А ведь где-то живёт твоя бедная мать,
что на промысел этот тебя посылает...

А ведь где-то ещё и Россия живёт
и слезливо, по-бабски, наш день проклиняет,
и скулит, ухватившись за впалый живот,
и на грустные руки слезинки роняет.

Впрочем, что я несу, – нет у нищих судьбы.
Я и сам тут живу – равнодушно послушен.
Сквозь меня прорастают чужие цветы
и на Запад летят перелётные души.

1997

* * *

Словно жизнь моя взята в ренту,
душу тянут из под руки –
проститутки, попы, президенты,
тати, лешие, ведьмаки.

Но меня защищают с лаем,
окружив мой пустой стакан,
кот учёный, собака злая,
баба – пьяная вдребадан.

2002

* * *

А. А. Проханову

Потому что я русский,
взлюбивший отчаянно землю,
где бесплодные бабы
налившийся колос растят,
я фамильный погост
как последний окоп свой приемлю
и, ступив на колени,
расту на державных костях.

И смотрю в небеса,
и с поющей душой бездорожий
принимаю всю грязь,
что монголо-татарин месил,
и люблю я народ,
что, не выйдя ни кожей, ни рожей,
в мировой океан
лапоть свой против ветра пустил.

Потому что я русский,
живущий под Божеским небом,
потому что есть мать,
что приветит больного врага,
поделюсь я ним, грешным, —

блокадным, но выжившим хлебом.
И пусть жрёт нашу землю,
с неё отправляясь в бега.

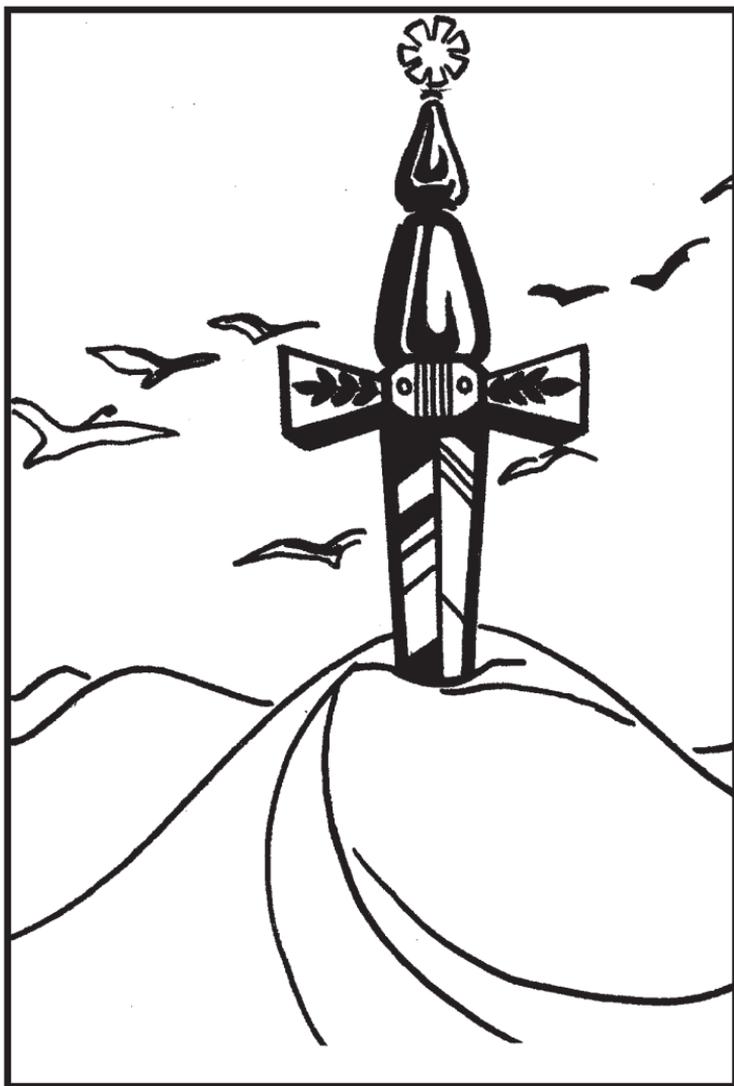
Пусть вопит на весь мир,
что живу и люблю я, умея
лишь мечами махать,
помирая, водяру глушу...
Но казаха, тунгуса
и вечно скитальца еврея
к океанам-морям,
словно твой Моисей вывожу.

Потому что я русский,
я знаю безбожные годы:
как простой мужичок,
что коряв, хитроват и бескрыл,
глядя Богу в глаза,
создавая Империи своды,
по колено в кровище
величие духа творил.

И свои семена
сею я уже в наших потёмках.
По ночам умирая,
с утра возвожу русский Храм.
И по крови моей,
заливающей землю потомков,
корабли уплывают
к неведомым материкам.

1994

* * *

Как звенят по Руси колокольчики-ромашки,
звонкий яростный свет прорастает из ночи.
И на солнце летят эти бабочки-букашки,
хоть по мордам их я не умею различить.

Я ведь рос в городах очень разных-безобразных –
и любимых до боли, и забывшихся потом.
Не забылись коровы в разоренниках заразных,
что вспоили меня порошковым молоком.

Будем жить-не тужить,
но прощать уже не будем,
будем петь-горевать,
но рожать другим концом.
Ходят люди вокруг,
вроде бы живые люди,
но молчат-говорят собачковым языком.

Будем пить-хоронить, разговаривать не в меру
на другом, –
только нам нужном языке отцов.
Где-то Тряпкин поет,
где-то Борюшка Примеров,

Поликарпыч вещает,
тихо плачется Рубцов.

Исполать вам, друзья, –
лихоборцы вековые!
Мы за вами идём –
кто со Словом, кто с креста –
познавать, изучать буквы русские живые,
что способны вертеть землю –
именем Христа.

С молоком вам дано, что
Христос по крови – русский,
и понятно,
что к нам приходил не по грибы...
Ох, запеть бы сейчас и запить бы без закуски,
камарилья бы вся, ох, возрадовалась бы!

Только хрен вам и нам,
не запьем и не закусим,
если нефть не пропьем,
не откроется Сезам...
Каждый должен понять,
если здесь ты, – значит русский,
а иначе хана – вам и нам, и...
паханам...

Как звенят по Руси колокольчики-ромашки,
звонкий, яростный свет прорастает из ночи.
И на солнце летят эти бабочки-букашки.
хоть по мордам их я не умею различить.

2008

* * *

Смирнову В.П.

Мы эту осень сами заказали.
И нет в ней правды,
есть одни стихи,
как будто бы в пустом холодном зале
отчитываем все свои грехи.

Звенит листва монетой с того света,
шуршит толпа в три тысячи голов.
Свобода есть,
а воли к жизни нету...
и речь ясна,
но нету русских слов.

Душа шумит,
ей кислорода мало,
ржавеют клёны, плачут тополя.
Молчит природа,
что-то в нас пропало, –
нет Родины вокруг, одна земля...

2008

Стансы

Жизнь нас всех воевала,
к земле пригибала
и, связав,
навязала чужую игру.
Мимо пуля летала,
но не доставала,
лишь нырять заставляла
в любую дыру...

Пусть не сразу мой рост доходил до оконца,
быть сильнее и выше мне было не лень, —
ведь чем ниже садилось усталое солнце,
тем длиннее была на земле моя тень.

Жажда губ ножевых колотила и била,
имена пропадали в звенящей нови.
Ведь чем больше девчонок меня погубило,
нерастроченной больше **ставало** любви.

Я был вечно влюблён,
уж такая порода...
Но менялась Отчизна,
менялись тела.
И не так было всё у страны, у народа.

И тебя я не знал,
хоть в душе ты жила.

Годы,
словно бродячие псы на дорогах,
под колёса бросались, рыча и визжа...
Ну, а я от тебя,
как когда-то от многих
скрыть пытался сжигающий сердце пожар.

Я ведь жил и мужал,
и накапливал силы,
чтоб талант свой намыть в трудной русской воде.
И отдать без остатка родимой России,
и отдать без остатка любимой тебе.

Не хочу я как все –
торговать или хапать,
я хотел бы служить,
понимаешь, служить.
Хватит сил ли, не знаю, –
энергии хватит
чтоб ракету–носитель на Марс запустить.

И бессилие душит,
пьянит, словно брага, –
никому я не нужен здесь в «этой стране».
И страна не нужна,
и народ – бедолага,
и не нужен язык, –
словно мы на луне...

Ты устала со мной, –
разуверилась вера.
Слышишь,
дочка за стенкой Мадонну поет...
И метусь я душой,
переполненной ветра,
восемь разных ветров продувают её.

2008

* * *

В.В.Путину

Пятнадцать лет стреляют танки,
горит земля и Белый Дом,
Пятнадцать лет идут в атаку
псы-невидимки за бугром,
трясут бездонную громаду...

Распахивая целину,
кладут,
кладут,
кладут снаряды
в одну мишень,
в одну, в одну!

Горит свеча кровавой муки,
смерть топчется по головам.
И мёртвые,
поднявши руки,
выходят русские к врагам.

Уже и плакать, и смеяться
в раю устали и в аду:
– А кто сказал, что если сдать,ся,
то танки прекратят пальбу?!

2008

* * *

Зачищены три олигарха...
Но это сверху –
Богом данное.
Большой Иван кутит без страха
с опричниною окаянною.

Отрезанными головами
по-над страной собаки лаются.
И птицы с чёрными крылами
с восьми концов сюда слетаются.

Но не берут меня в Малюты.
Теперь Малюта – имя бранное.
Как деревянная валюта,
но, впрочем,
тоже Богом данная.

Теперь словарь собачий в моде...
Скинхед, –
какое имя странное.
И я скинхеду дал по морде, –
за то, что слово –
иностранное.

2008

Слово

Стой неколебимо, как Россия.

Пушкин А. С.

Озарило сверху вдохновеньем,
тут же полыхнуло под землёй.
И возник пылающим виденьем
Пушкин
над израненной Москвой.

Ободрался чужеземный глянecь,
и восстал во весь земной пустырь
маленький кудрявый африканец –
святорусский чудо-богатырь.

Засветились старые иконы,
опалившись адовым огнём...
Бесы прут...
Но держит оборону
ангел в битве меж добром и злом.

Словом держит.
И земле –
сгорая –
тень его носить, не износить.

Даже в слове,
даже умирая, –
Пушкин – вечно крайний на Руси.

Слышишь,
за углом родного дома
погибает он в твоей душе...
Только держит,
держит оборону
на последнем русском рубеже.

2008-2009

Вечный огонь

Я не курю, –
подальше от греха...
Забыть пытаюсь имя Герострата.
И Евы Браун тень в годах-веках
передо мной ни в чём не виновата.

Уже никто ни в чём не виноват.
Лишь конь в пальто горит в лучах заката.
И, журавлиный клин сминая,
в ад
проходят строем по небу солдаты.

И из разрывов вековых пластов
огонь,
что, изрыгнув подошвы Рима,
спалил Союз,
становится костром,
облизываясь в сторону Берлина...

2008

Парк Победы

На ощупь танк – зеленый трактор с пушкой,
привет с Урала – с темною душой...

И всё. Капут!

Лишь глупая кукушка
соперничать пытается с судьбой.

Глаз слепит солнце.

И воюют дети.

Старик накрепк последний свой кулак.

Ведь главное,

куда подует ветер,

в какую сторону развернут русский флаг.

2008

Карта мира

Ладонь, как танк, пылит по карте старой, –
земля бугрит,
горит со всех сторон.
Ведь направленье главного удара
пульсирует со сталинских времён.

Я слышу голоса –
и днём и ночью, –
накатывают – вал
за валом вслед.
И вещей гул
прадедовых побед
в моей крови крепчает с новой мощью.

Чем наяву страны хребет слабее,
народа меньше –
чем толпы пустой,
тем круче верю в путь Её святой,
грядущей славы отзвук всё яснее.

И чем страшней,
отверженнее лица
героев и поэтов, и вождей,
тем путь светлей, –

на звездах штык-ножей
небесный воздух снова шевелится.

Издревле клином вышибают клин,
кулачным боем разминают мышцы.
Упруги стали русские границы, –
звучит приказ короткий –
«На Берлин!».

2008

Русский флаг

Русский флаг, что русское оружие,
как улыбка Ваньки-дурака,
что с лица не сходит,
птицей кружит
вдоль по сердцу – в тучах-облаках.

...Оба войска пали над обрывом,
прокричал стервятник вдалеке,
звёзд лучи скрестились над заливом,
ангелы поплыли по реке...

Умирает Ванька, но счастливый,
древко сжав в недрогнувшей руке.

2009

* * *

Бедный, малограмотный народ,
он в Берлин придёт, он доползёт.

...А над Волгой бабы будут выть,
от чужих – своих детей растить.

Лебеду и землю молча жрать,
от убитых – сыновей рожать...

Бога нет,
но есть приказ – Вперёд!
Бога мой народ потом найдёт.

Сэкономит порох, динамит, –
но Гагарин в космос полетит.

Колокольный и кандалный звон.
Бога нет,
чернил
и нет бумаги, –
кровушкой Ему напишет Он
на когда-то грамотном Рейхстаге.

Он ещё откинется потом...
Про народ я...
Несгибаем Он.

2009

* * *

Кто обретать, а я теряю снова
права
на жизнь по правде, не по лжи...
И оправдаться, – разве только словом?...
Но это надо кровью заслужить...

Идёт война на виртуальном свете,
нас атакуют сонмища врагов.
Вопят с небес зачеркнутые дети,
в экраны зрят
милльоны дураков.

Зачем же я, душою обнимая,
тебя, моя безумная страна,
шепчу пароль, в надежде призывая
твои –
в пустую бездну –
имена?!
Все имена...

Но были-небылицы
сплавляются в одну простую мысль.
И я шепчу –
и воздух шевелится, –

сиюминутный мир теряет смысл,
как прорванная мухой паутина...

Вот за окном светлеет горизонт.
Но речь темна, слепа и нелюдима,
в ней нет ни слова, —
все ушли на фронт.

2009

* * *

Когда бы нас подняли по тревоге...

В.Пуханов

Нас по тревоге не поднимут,
не попрекнут землёй родной,—
ведь сраму мёртвые не имеют
пока их помнит род людской.

Но нас поднимут по тревоге,
когда закончат со страной...
За нами явится конвой...
На Страшный Суд
проводит строгий —
героев павших —
строй святой.

2009

* * *

Кто умер, тот уже бессмертен, –
порукою – сыра земля.
Давно живем без тьмы и света,
но кто здесь ты, и кто здесь я...

Шепнёшь, –
Прости, Россия-мама,
в своей забытой Богом мгле
с душой, пустой, как голограмма,
не весящей уже ни грамма,
мы к небу ближе, чем к земле...

Сын за отца не отвечает...
А слово – словно воробей.
И поле жизни замечает
заморский ветер глюковой.

Но вдруг внезапно прозреваешь...
Как с бодуна придя домой,
ты взглядом прошлое пронзаешь
и понимаешь, ты здесь свой.

Не вырывая даже йоты
судьбы, прожитой не тобой,

что стала
просто частью плоти
и полностью твоей душой...

Невыносимы муки эти!
Отец, – прошу, – сойди с креста.

Бессмертие страшнее смерти,
когда бояться перестал...

2009

* * *

Ты жил с великими поэтами,
как с ровней.
Но они ушли,
ушли кто Стиксами, кто Летами,
ушли, как в море корабли.

Ты жил,
но ничего не понял ты, –
судьбу, считай, не оправдал.
Лишь дни сомнений вместе пропиты,
мерцает памяти бокал.

А в нём, на дне, все тайны Китежа,
и льётся небывалый свет.
Песнь слышится...
Теперь молчи уже.
И прямо с неба жди ответ.

2009

Из России с Любовью

*«Какую биографию
делают нашему рыжему».*

А. Ахматова

Мы рыжего его и конопатого
ценили за стихи и за Ахматову.
Она и биографию помятому
ему сулила, –
каждый был бы рад.

Из черного не сделать белым кобеля.
И греческий не сделать нос
из шнобеля.
Не Буккера ему вручили –
Нобеля.
Опять во всем Усатый виноват...

2009

* * *

Памятник Петру Первому работы Фальконе,

заказанный Екатериной,

первый памятник в России.

Первый протест против Библии.

Он прорубил окно в стене, –
царь Петр на каменной кобыле...

Но на хрена мне Фальконе,
когда мы Бога позабыли...

Кумир напрягся над страной,
дрожит, как девушка, Европа,
в окно присвистнул тать лихой, –
Русь-матушка, вот это жопа!

А мы ей, нат-те, соболя...

Скрипит кровать, шуршит перина.
Была Расею земля
и немкою Екатерина.

2009

* * *

Петру Калитину

И сказал мне дядя Ваня,
бывший кент вора в законе,
бывший... – лагерная вохра,
Ворошиловский стрелок:

– Зря не бацай,
СССР был
как кулак народов братских...
В общем,
если шмайсер держишь,
жми сильнее на курок.

И сказал мне дядя Ваня,
шоркнув Сталинской наколкой:
– За слова свои ответишь,
так что много не базлай...

В жизни столько баб красивых,
что одной по горло хватит,
так что больше чем проглотить,
в свой стакан не наливай.

И сказал мне дядя Ваня,
разливая, не скупая,
выключая телящик,
матерясь на беспредел:

– Гитлер – падла,
Ельцин – тоже!
И народ – пацан, в натуре...
А менты ещё покажут –
кто и где,
чьё мясо съел.

И сказал мне дядя Ваня:
– Зря не бацай, паря, глоткой,
на рожон не лезь без батьки,
партия нам что велит?!

Мол, вокруг все п... (голубые – С.С.) –
в телевизоре и возле...
Изменяется природа,
мир на месте не стоит...

Но сказал мне дядя Ваня:
– Жизнь нельзя сдавать без боя! –
и налил за край и выше,
наградной взяв револьвер, –

гастарбайтеры достали,
а скины совсем тупые...
Где ты дядя Сталин!?
Суки, –
развалили СССР!

2009 (Пасха)

* * *

В. К. Агаджанову

Страну украли. И потерян след.
До послезавтра доживём едва ли.
Гуляет доллар, как хмельной сосед.
При Сталине бы расстреляли.

Куда летим мы, позабыв азы
(всё нам «хип-хоп»
и всё нам «трали-вали»),
забыв, что мы народ, забыв язык?!
При Сталине бы расстреляли.

Кричу я: Люди, мы ж не хуже всех!...
Но тишина. И я опять в печали.
В печали я!
Уныние – есть грех.
При Сталине бы расстреляли...

2009

Смех

Арсену Мартиросяну

Как в цирке – для дитя и дурака
ручной учёный боров фортель мочит, –
Хрущев танцует лихо гапака...
Смеётся Вождь, и маршалы хохочут.

Повержен Гитлер, но жива война.
Хрущёв туманен, словно джин в бутылке...
Мощна как никогда моя страна.
Смеется Рузвельт – с пулею в затылке...

Пьют маршалы, воруют и шумят...
Раз нет достойных – силою сравниться,
отравлен Сталин, брошен умирать –
под свальный грех клиентов психбольницы.

Костью треща, мир в гапаке летит,
Хрущёв трясёт башмак свой что есть силы...
На Сталина свалили десять плит,
а он все выпирает из могилы...
Народ блюёт, толпее и молчит...
Споили нас, а вот спросить забыли...

Вернемся в Цирк уже в году другом, –
смеётся Черчилль фейсом пенсионным:
«Хрущёв сцепился в схватке с мёртвым львом
и умудрился выйти побеждённым».

2010

Ты должна

Все свистят и сверлят пули
нас,
отрёкшихся когда-то...
Мать-земля, нас обманули,
Ты должна родить солдата.

Мы за все Армагеддоны
Беловежским платим золотом, —
враг на Волге,
враг у Дона...
Ты должна родить солдата.

В телеящике Пандоры
все плодятся бесенята...
Не смотри безумным взором,
Ты должна родить солдата.

Бог оставил нас, —
так надо.
И в раю хмельно от мата.
Родина в аду.
Из ада
Ты должна родить солдата.

2009

Страшный сон

Нам не дожить до Страшного Суда.
Уходит мир сквозь пальцы, как вода.

Уходит сила
в землю-мать – не зря, –
быть может, вдруг родит богатыря...

Уходит, возродится ли когда? –
Об этом знает странная звезда,
что среди ярких –
тихий свет хранит.
Под ней и путь в сто тысяч лет блестит.

И узок путь. И нелегка дорога.
И нечем оправдаться перед Богом.

Из дыр земли кровавая заря
течет. И не видать богатыря.

Бессменно, как хирурги-упыри,
вскрываем язвы матери-земли.

Как будто бы дождемся –
кто когда –
амнистий
после Страшного Суда.

2009

Судьба

Сергею Сибирцеву

Гранёный с размаху закинул.
Расею в душе помянул.
И бабу к себе пододвинул,
с бутылкой и бабой уснул...

То ангелы с бесами бьются,
то просто душа на краю, –
но русские не сдаются
ни здесь, ни в аду, ни в раю.

...Проснулся без бабы,
год минул, –
в раю – без врагов и боёв.
И к Богу стакан пододвинул:
– Ты что, брат, не видишь краёв?!

2009

**Я ПЬЮ ЗА
ПРОДОЛЖЕНЬЕ
ЛИСТОПАДА**

* * *

Через год
любовью воскрешённой
возвратилась «вечная разлука».
Перед всем,
заранее прощённой,
я её хватаю на поруки.

Жадно слушаю слова её простые.
Выжившей любви глотая звуки,
сердце растрезвонивает муки
ожидания –
за год простоя...

...Мне теперь понятней стала осень
в этих бурных хлопотах весны.
Сколько сам с себя я жизнью сбросил,
сколько облетело в сны.

И теперь по крохам собираю,
чтобы снова потерять в свой час.
Чем смелее в жизни мы теряем,
тем упрямей жизнь гнездится в нас.

Потому и бьётся под словами
сердце,
караулящее вздох,
чтоб собой пустой заполнить воздух,
наполняясь милыми, друзьями,

чтоб к деревьям возвращались листья,
вспомнив их тоскующие руки,
а в пустом доме
взахлёб
излиться
зазвонили
вечные разлуки,

чтоб в житьё-бытьё вошла погромом
та любовь,
что всем казалась бредом,
ощутив себя такой огромной,
как ночью небо.

* * *

Галине Гагариной

Что такое любовь через тысячу лет?!
Я отвечу тебе, – это я...
Пусть стекает слеза на холодный паркет
и в ответ шелестят тополя.

Пусть столетья, как пули, влетают в мой кров.
Ты сильнее, ты чище меня.
Даже пусть ты уйдёшь от меня, но любовь –
это – я,
всё равно, это – я.

2003

Сирень

(поэма)

1

С утра по радио сирень передавали.

Вплоть до последних слов.

Во всём дому

цвела любовь, и бабочки летали,

цветами прорастая в полутьму.

– Приди, куда мне столько одному?!

Я задышался в этом аромате.

Открыл окно,

и в лиственный прибой

вкатилось небо в самом синем платье

как пауза меж прошлым и тобой.

Легли в ладони облачные дали.

Я сделал шаг...

Вдруг следом за звонком,

ты

ворвалась, не сбросивши сандалий,

и выдворила небо – за окно.

И молча обняла...

Очеловечен

твоим присутствием,

запел на кухне кран.
Сирень,
что днём цвела во мне,
под вечер,
налив воды, я опустил в стакан.

2

И ушла она, как испарилась –
в воздух, в память – росой на заре...
Его тень от него отделилась,
сквозь сирень продираясь за ней.

Поцелуи взошли на щеках.
Он, как луч, распадался на части.
И запутался он в трёх шагах,
в трёх словах
и в своём одночасье.

И, в траву уходя,
напоследок
вспыхнул он,
как наивный пацан, –
своей первой – последней победой...
Но следы Её шли по пятам.

И когда наступил неумело
на свою одичалую тень,

свежесть юного женского тела
расплескала по жилам сирень...

3

И ты сирень без возражений.
Теперь твой бог – Гидрометцентр.
Ты утопаешь в пораженьи
и изменяешься в лице.

И я тебя не знаю...–
пошло ль
в нос чмокнуть, памятью обдав?
С тобою мы не жили в прошлом,
мы жили в будущем
тогда...

4

Окрестили этот день сиренью.
И без ощущения корней
женственность,
заземленная зреньем,
проступила в девушке моей.

Проступили ветви, точно вены
на отяжелевшем животе,
и на непрожитое мгновенье
взгляд ушёл в себя, как будто в тень.

Жизнь двоилась... Этаких взрослений
оторопь вставала, как стена.
Вздоргнули тревожные колени,
высветив под солнцем два пятна.

5

Я человеком стал. Крестили
меня в преддверии тебя.
В глухой тени, – в коронном стиле
непознанного бытия.

Я ветки в зубы брал, смеялся...
Но каждый крест – сам по себе –
отчаянно воспринимался
как крест на жизни, на судьбе.

Пока на губы не упала,
раздув сиреневый огонь,
цветком счастливым – пятипалым
твоя воздушная ладонь.

6

Смерть сирени.
Воскресенье.
Ровно семь минут,
как ожил...

Куст сирени сажала колдунья.
И смеялся я, тайну храня.
Но вчера, в эту ночь полнолуния,
как-то странно позвал он меня.
Лишь вошёл я в листву, и несмело
прикоснулась к цветам моя тень,
свежесть юного женского тела
расплескала по жилам сирень.

– Ах, сирень, я целую Вам руки.
Мне знаком запах Вашей капризной листвы.
Ну, признайтесь, ведь это же Вы
обrekli моё сердце на муки?!
Я Вас ждал, я целую Вам руки,
ах, сирень...

Лепестки осыпались на плечи,
словно слёзы с прозрачных ветвей.
И венчал нашу странную встречу
распоясавшийся соловей.
Вы упреки покорно сносили,
признаваясь в ужасной вине.
Были Вы так безумно красивы,
что цветы распускались на мне.
– Ах, сирень...

1987-1997

* * *

Море что-то бормочет влюблённо,
застревает в ушах, волосах,
даже чайка кричит, как ребёнок,
позабытый на небесах.

Только нет ни любви, ни желанья
землю вновь навсегда покидать...
Ты прости мне,
что ты не жена мне,
приходи по ночам, как звезда

или сон.
Только без продолженья
мы оставим дорогу туда,
где бросаются чувства на шею,
словно волны,
почти без труда

размывая границы бывшего
и опять возвращаясь назад...
Просто ночью слепою
глаза
к вдохновенным обманам готовы.

Звезды падают.
И с замираньем
я смотрю на них.
И обдаёт
ветром душу,
как жадным дыханьем –
с тобой знакомящийся женский рот.

1989

* * *

«Вход до десяти».
Но что закон мне?! –
Бросив общежитское жильё,
с одинокой полночью знакомлюсь
и вожу по городу её.

Ей стихи безумные читаю,
радуюсь, –
я ей кажусь – во сне...
По следам за ней крадется снег.
Утром обернусь –
мгновенно тает.

Плачет, видно.
На себя, как в воду,
я гляжу. Назад пора.
А там
женщины приходят и уходят.
А любовь всё бродит по пятам.

1988

Одна

Вот и **все**, что в это утро было:
на челе сквозных ветров настой,
в русский крест засыпана рябиной
волчья проседь в гриве вороной.

Всех и вся заставши в плагиате,
с каждым разом умирать устав,
поцелуй, не знавший отлагательств,
бледневает в сжатые уста.

Вздрагивая мраморною стелой,—
где лишь взгляд до гибели живой, —
сквозь упрямо будничное тело
женщина восходит над собой.

Суть себя отдавши на закланье,
повернувшись к зеркалу спиной
сокровенную прикусывает тайну,
плодородьем родственна с землей.

Распахнув окно навстречу свету,
в необжитом воздухе пустом –
притянув –
рябиновую ветку –
отпускает...
И выходит вон.

1987

Расщепленность

(опыт грустной самоиронии)

Губы вырвав из дрожи огня,
поцелуй разметав по дороге,
ты ушла половиной меня...

Не пошли за хозяйкою ноги,

а остались стоять до любви,
до звезды,

что повалится наземь.

Видно, правда в ногах,

а свои

ноги

воткнуты в правду, как в вазу.

Облетают с них листья,

болит

пустота где-то там сверху, слева...

где вы, блудные души мои,

с кем вы?!

Ладно, пусть их...
Дорога все шаает.
Раздаряюсь, как пешим лужа.
Вон судьба моя мимо шагает
в босоножке на босую
душу...

1987

Колдует осень

А на дворе, смеясь, колдует девка-осень,
желтеет всё, ржавеет всё. Но нет вопросов.
А мы прозрачного вина нальем в бокалы...
Сердца отпустим погрузить под небом талым.

Горит листва.
И мы с тобой в пожаре рыжем.
Твои глаза мне с каждым днём родней и ближе.
Все те же сны, где мы вдвоём,
Ещё нам снятся,
но оба чувствуем, что надо расставаться.

Колдует осень на душе,
и мы колдуем,
и, обжигаясь, на огонь уже не дуем.
И птицу счастья во все стороны пускаем.
Любовь устала. Мы её не осуждаем.

Ох, закружила осень нас, заморозила.
И разметала, словно листья, и забыла...
Пожар вокруг,
но почему земля остыла?
Послушай, осень,
а зачем ты приходила?

Танец печали

Любовь – это чудо, безумная тайна.
Для нас с тобой она кончается печально.
Закончилось лето, последний день прожит,
а мы друг в друга влюблены ещё, быть может.
Осеннее солнце с улыбкою странной
манит к себе последней нежностью обманной...

...Я всех приглашаю на танец печали.
Назад отыграем
вернемся к началу.
Как танец печали кружится день летний.
И кто-то уходит последним,
последней...

...Осеннее солнце с улыбкою странной
манит к себе последней нежностью обманной.
И мы, словно листья,
с судьбою играем
и так серьезно друг для друга умираем.
Не можем расстаться,
летаем по кругу,
хотим губами удержаться друг за друга...

1999

* * *

Ты ушла от меня, словно боль и усталость,
и ни Богу, ни черту пока не досталась.

Я горю на ветру,
но горю, не сгорая.
В каждой вижу тебя,
взглядом дверь открывая...

А глаза у тебя стали странного цвета...
Да и я в них – не я...
Ох, плохая примета...
Мы на счастье с тобой перебили посуду.
Но в разбитый стакан налить я не буду –

ни полночной слезы,
что в туман превратилась,
ни великой любви,
что кукушке приснилась.
Ты ушла от меня, словно боль и усталость.

Но в разбитом стакане
водка не расплескалась...

2008

* * *

Я одинок, как гений в плагиате,
что лунное освоив ремесло,
ночь распахнув, стоит в одном халате,
не в силах удержать высоких слов...

Всё принимая слишком откровенно,
как в водку сок пускают по ножу,
психической энергией вселенной
по капле в шёпот разума вхожу...

Шепчу, камлаю, сердцем увядаю,
хочу найти те самые слова,
и с каждым новым словом умираю,
к твоей душе притронувшись едва.

Губами, снами, вещими слезами,
что забродили в сердце, как вино...
Но из того, что происходит с нами,
не понимаю ничего давно.

Но лишь одно я знаю и имею, –
и тем живу, не смея всё забыть, –
что ты уже была – навек моею,
и только смерть нас сможет разлучить...

Звезда прожгла лукавым взглядом стену.
Я здесь один,
ты где-то там в ночи.
И что это, любовь или измена,
одна ты знаешь.
Знаешь и молчишь...

2008

* * *

Я без тебя не пропадаю
и о разрыве не жалею,
и из окна не вылетаю,
как птица крыльями не вею.

Я не болею, не бледнею,
не загниваю и не таю,
я даже, в общем, не старею...
А лишь,
как мамонт, вымираю.

2008

Орлица

Жена-любовница, давай начнём сначала,
не раздувай огонь вражды в крови.
В раскосе глаз твоих спокойно-величавых
парит орлица вдумчивой любви.

Свистит ли ветер, град идёт с дождями,
твердь неба молнии ломают в бездне лет,
парит орлица, мощными кругами
равняя звёзды, солнце, ночь и свет.

Парит орлица. Там внизу – кишенье.
И воронье накаркало беду.
Будь выше всех. Прости, будь совершенна.
Сбрось в пропасть со скалы змею-вражду.

Жена-любимая, смотри, проходит лето.
Сердца болят, готовятся к зиме...

Парит орлица.
С птичьего полета
я с каждым мигом –
меньше, меньше, ме...

* * *

Сказал в запале – резано и круто.
Обидел, аж волной пошли круги...
Метнула взгляд пронзительный, –
как будто
сорвался сокол
с вскинутой руки.

Захотала жутко и нелепо,
в зрачках сверкнули рысьи огоньки.
И треснул мир, как дом, –
как будто не был...
И рухнул в бездну горя и тоски.

Жизнь кончилась. Глухи слова отныне.
Кричит обида-дева даже днём.
Любовь забила в щель.
Одна гордыня
сжигает души адовым огнем.

И каждый прав – на том и этом свете,
готов ввязаться в настоящий бой...

Родная, спи, родная, спи, –
ведь это
всё не про нас,
всё не про нас с тобой...

2008

* * *

Жене

Твои губы во тьме различаю...
Но во мраке венчальной свечи –
на земле не тебя я встречаю,
а твоё отраженье в ночи.

Поразбросаны лучшие годы
сзади, сбоку, – и нет им числа...
Что тебе, неземная, угодно,
чтоб – не только во сне – ты была?

Приходи, – жёлтый волос по ветру,
так похожа лицом на жену...
Разнесём весть по белому свету,
а о чём, – сам пока не пойму...

Будем жить мы с тобой в рукавице,
в той, что в сказке лежала века.
Одинок я,
как пение птицы,
и свободен, как мысль дурака...

2008

Одиночество

Во тьме земной
грущу в окно я,
где звезды рушатся на дно
моей души, –
мне всё равно...
Ведь одиночество такое,
что не вмещается в окно.

Но заклинаю –
сквозь невзгоды:
– Любовь бессменна и нежна,
не убиваема она.
Замки срывая, платья, годы,
она придёт, –
твоя жена.

Ты задохнешься, чуть не плача,
когда ошпарят,
хохоча,
как будто духом первача, –
бессмертно молодые губы,
рот в рот, –
органами звуча.

* * *

Я бегу против стрелки часов,
против хода вращения земли.
Чтобы вырвать из бездны веков
душу той,
что мерцает вдали...

Она светит со дна,
как звезда,
отраженная чёрной водой.
– Между нами беда-лебедя,
не сдавайся, останься со мной!

Сколько было растрчено слов!
Память гонит нас сквозь решето.
Если мы позабудем любовь,
на земле нас не вспомнит никто.

Длинный посох достанется мне,
помело с рукоятю тебе.
И узнать нас не сможет во тьме
наша дочка –
сама по себе...

2008

* * *

Я пью за продолженье листопада!
И чокаюсь с бокалом пустоты.
Ещё пока мне ничего не надо,
ещё пока я с памятью на «ты».

Ещё пока твои целую груди,
горю в твоём дыхании – дотла...
Ещё пока про нас забыли люди,
ещё кровать для наших снов мала.

Ещё пока не знаю я, что счастлив,
не знаешь, что несчастна ты ещё...
И сердце бьется только на две части,
ещё грехи – тебе и мне – не в счёт.

Ещё пока на сне не ставишь точку.
И я на тестя не похож, – точь в точь.
Ещё пока мы не родили дочку,
любимую
единственную дочь...

2008

* * *

Становлюсь безудержно покорным
с милой, что повенчан я в веках,
по годам
почти уже – покойник,
по любви – пока ещё никак...

И за что в любви такая сила
и метельной нежности размах?!
Всё сносила и переносила
на своих мистических крылах.

Но не чуют у красивых – душу.
Так и я, –
как ветер злой в ночи,
что вначале должен дом разрушить, –
чтоб увидеть свет огня в печи...

Видел, –
где твои проходят ножки, –
шеи в штопор крутятся,
а там,
словно пробки,
сносит дурью бошки,
отрывая их ко всем чертям.

Одурманены твоей походкой –
ветреной,
а может, ветровой, –
пол-России пьют запоем водку,
пол –
с ножами носятся за мной...

Иногда такая ты –
лихая,
иногда, – как песня соловья, –
нежная, прозрачная, родная...
Иногда, –
чужая, не моя.

Но когда,
звездою полыхая,
сбрасываешь свой покров земной, –
темноту губами прожигая,
прямо в вечность падаешь со мной...

С нежностью, пуская в небо корни,
твоё тело звонкое ловлю...
Становлюсь безудержно покорным
с женщиной, которую люблю.

2008

* * *

Грустью я обижен и растрочен –
на тебя,
на жизнь,
на белый свет.
Я растрочен и переиначен,
бьёт в глаза холодный белый свет.

Это там,
где небо было вольно
под крестом могучего орла,
там, где песня–сказка,
вспыхнув болью,
по оврагам–кочкам понесла.

Там, где был я верен и уверен
в крепости заветного кольца.
Сердца жар был волчьей страстью мерян
в злых зрачках любимого лица.

И теперь под волчий вой,
играя,
как река, –
в предчувствии беды –

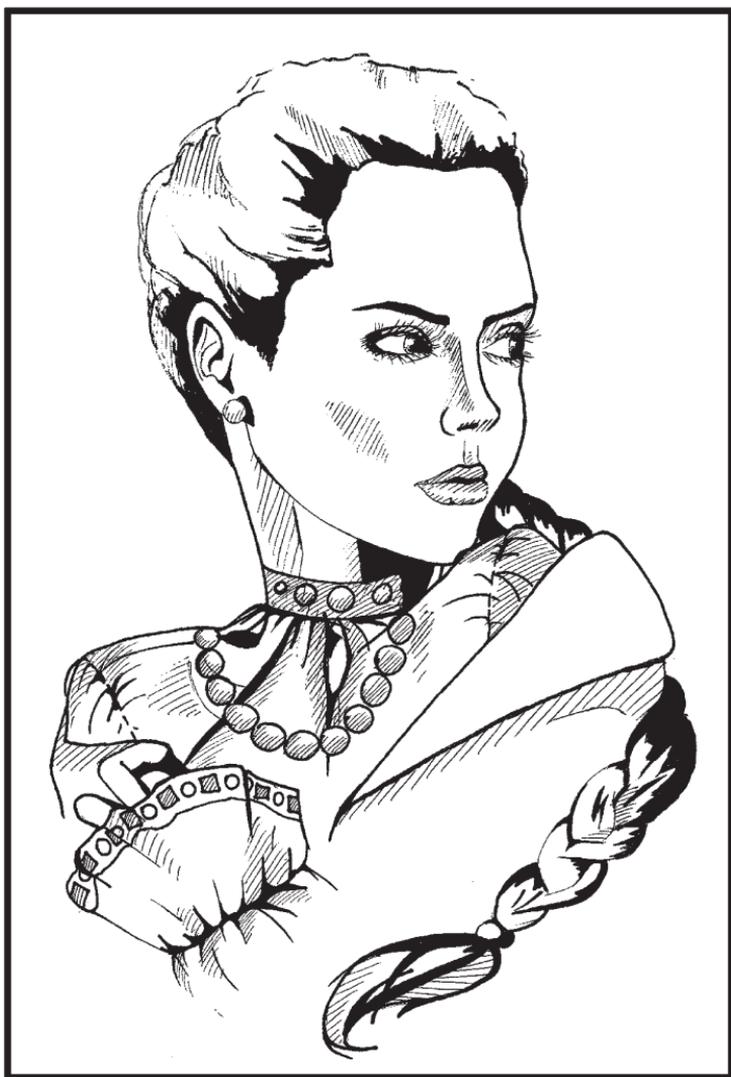

кровь моя бурлящая
дурная
сносит этой крепости следы.

Размыкая ветреные руки
безучастной спутницы – судьбы,
жаркого дыхания разлуки
на твоих губах растут клубы.

Словно с ветки лист –
в страну иную –
с губ слетает поцелуя след.
Словно песню спев свою земную –
в небо вышел неземной поэт...

2008

* * *

Как хорошо в последний день Помпеи
пройтись по улицам заснеженной Москвы.
На миг любви –
в бессмертие поверив,
услышав из под снега рост травы.

Увидеть в небе ветра зарожденье,
в голубке серой Божий лик узреть...
И что-то вечное смахнуть, как наважденье, –
ещё пока не время умереть...

...Твои глаза...

Но что-то говорит мне,
что всё не так, как мне мечталось быть.
И сердце сокращается в том ритме,
в котором мы давно не можем жить.

Счастливым быть уже я не сумею.
Другая жизнь у Родины в крови.
Моя душа безумнее – Помпеи –
в последний день
несбывшейся любви.

2008

* * *

Не тебе

Как можно тварь любить
и с бабами не зняться,
терпеть и ждать, и выть
до судороги в яйцах?!

Как можно тварь любить
и ревновать до боли,
с жидом палёнку пить
в тоске о древней воле?

Как можно тварь любить...,
и мёртвыми словами
живую вылепить
змею... с двумя крылами?

Как можно всё прощать,
меня с кожей роли?
Любовь, – ядрена мать,
любовь, – ядрена доля!

2010

**МНЕ 22, Я ВЕСЬ
В ГУБНОЙ ПОМАДЕ**

стихи 1983-1987 годов

* * *

Мне двадцать два.
Я весь в губной помаде
девчонок, что целуются спеша.
Я как поэт –
извёл пять тонн бумаги,
но как поэт
не сделал ни шиша.

Не потому ли по ночам мне верится,
что я смогу,
поднявшись спозаранку,
сдёрнуть с неба
Большую Медведицу
и подарить
Свердловскому зоопарку.

1985

Игра

Лёд на губах. В глазах.
Во все углы
вмёрз лёд. Чтоб не упасть – ни шагу.
Ты вышла из любви, как из игры
выходят, иногда,
забросив шайбу.

Сегодня праздник льда в моей судьбе.
Проиграна любовь,
ты взмыла круто.
А я ещё остался в ней сидеть,
словно наказанный на две минуты...

1985

Это не о тебе

Л.Л.

Свои чувства, как зверя **з**атравливаю.
Сердце – не кубик – Рубика.
Я тебя из себя выдавливаю,
как засохшую пасту из тюбика.

Боль, как крик в катакомбах, глушится.
Но всё дальше от выхода ты.
На натянутых нервах сушится
душа, застиранная до дыр.

Только заново переиначивает
память – сводня
душу мою
и в лицо твоё заворачивает
моё сердце, как в простыню.

Да! – Я ложью себя не унижу.
Да! – Хотел бы тебя вернуть.
Я теперь много больше вижу
глазами, плакавшими вовнутрь.

Я ведь помню тебя не миленькой
недотрогой в белом шарфе,

не женою в квартире маленькой,
где полы до смешного шатки.

Не вышептывающей губами,
когда голос любви иссяк,
а разбитою женщиной,
с волосами,
нервно собранными в кулак.

Отдираю тебя...
Легче кожу! –
Слишком присох к тебе.
Впрочем,
ты, наверно, несчастна тоже,
раз звонишь в середине ночи.

Давит плечи чугун утраты!
Только разве словами сказать?!
Больно.
В сердце моём распяты
любимой плачущие глаза.

1985

* * *

Сегодня я понял, что тебя я люблю.
Это было, как молния,
режущая ночами.
Словно ты падаешь, а я ловлю...
Но этого не было.
И мы молчали.

А было то, что в халате стоя,
ты как будто от холода сжалась.
Я ж свои поцелуи глотал запоем,
чтоб, не дай Бог,
тебе не досталось.

И как сам я себе изменял,
до сих пор ещё поражаюсь,
но хлестала она меня –
босоногая эта жалость.

Может, это бы и забылось,
Но уж так повелось меж людьми:
каждый!
хочет!
любви!
ненавидя в любви слово «милость».

Но входит оно любящей свекровью,
не давая побыть вдвоем.

И то, что в себе мы зовем любовью,
мы жестокостью в других зовём.

Ну, а может быть, всё и не так было,
не с такой уж шемящей тоской.
Только долго меня словами знобило:
«А я думала, ты не такой...»

А снилось,
ты падаешь,
а я – ловлю.
Или вместе с обрыва срываемся...
Сегодня я понял,
что тебя я люблю.
Сегодня я понял,
что мы прощаемся.

1985

Банально о самом банальном

Я знал, что больше женщин не увижу,
когда вошёл на миг в глаза твои.

И сон пришёл –
глухой и неподвижный,
когда за мной захлопнулись они.

Я жил тобой,
вместить пытаюсь в строки
случайный поцелуй, связавший нас.
И не искал,
от счастья одинокий,
я выхода из этих долгих глаз.

Но я не знал,
как губельны подушки
для чувства, что насущным хлебом стало.
Лишь наше сердце билось в наши души.
Я вскакивал,
а ты во сне стонала...

Проснись скорей –
мы будущее губим!
Верни меня.
Я в память ухожу.
Ведь я же на лице своём не губы,
а тот – потряс-
– кавшийся поцелуй ношу.

1985

Обидное

Забыт я, но, словно окалину,
меня нельзя стереть рукой.
Пусть даже я умру когда-нибудь
такой – до одури живой.

Пусть солнце сгинет в серой вечности –
для всех моя любовь взойдет!
Лишь если вымрет человечество,
она от голода умрёт.

Пока ж, – аз **есъм!** Имею тело.
И там тебя боготворю.
Хотя какое, впрочем, дело
тебе, что я ещё люблю?!

Гуляй с моими недрузьями.
Там, как и ты, – такие есть,
что, вылюбившись,
лечат память,
как неприличную болезнь.

Но ты, кто мною меж другими
любимой будешь, как никто...
Ты всё же вспомнишь моё имя
хотя б – как грустный анекдот...

1985

У Вечного огня

Юрию Кузнецову

Мне снилось, что с надеждами поссорясь,
пришла сюда моя седая совесть.
Я шёл за ней...
«Вот здесь я родилась...»
И тонкой болью слабенькая связь
сквозь прожитые потянулась годы.
И сердце вздрогнуло, и связь оборвалась...
Как на войне.
Вцепившись в кабель рваный,
молчит связист...
И нужен доброволец.
Смогу ли я,
продравшись через раны
погибших там, мне, в общем-то, чужих,
до собственной добраться боли
и посмотреть в себя глазами их?!
Понять, как я живу, и что мне светит.
Я ждал ответа от самой земли...
Я был уверен, что они ответят.
Они должны ответить,
чёрт возьми!
Я так воспитан,

я памятью,
как порохом, пропитан.
А вечного огня живые искры
в горячем сердце порождают выстрел.
И мне ещё совсем немного лет...
А может, в этом вовсе нет секрета:
искать всю жизнь на жизнь свою ответ
и не найти готового ответа?!
И просто жить...
Но, время пересилив,
найти ответ в своём понятии «жить».
Жить так,
чтобы бескрайняя Россия
слилась в одно с Россиею души.
А с временем я слово породню.
И если совесть вложит мне, как другу,
в мою уже морщинистую руку
мою же молодую пятерню,
то я умру, родиться не боясь
на языке иного поколения.
Здесь мёртвых нет!
Здесь совесть родилась,
рождённою задолго до рождения.

1986

* * *

Мне почта принесла пожар Чернобыля.
Как будто встал глазами в центр пекла.
Но я статьи не видел, –
всё черно было,
был просто белый лист
засыпан пеплом.

Читал, – глаза съедала катаракта.
А там, как с дерева, –
с руки воздетой
апрель, задев за май,
упал в реактор,
от мира отгороженный газетой.

Прорвало апокалипсис. Час пробил.
Полынь чернела, и крепчал поток.
И люди шли,
и каждый, как святой был, –
шёл и светился с головы до ног.

Никто их них не замечал потопа, –
они, влюбляясь, солнца излучали.

И в своих чревах женщины качали
живых
радиоактивных изотопов...

Я строчки разобрал, но позже – к лету.
Пока ж они казались неким шифром.
И каждый день
выветривал газету,
посыпая мне голову шрифтом.

1986

* * *

Наш скорый, свистя,
перечеркивает деревню,
таща на хвосте городские огни.
Загрустив,
каждый домик с охапкой деревьев
кого-то высматривает
в моём окне.

И долго –
тя-нет-ся за на-ми,
отставая.
Видно, по ушедшим память гложет...
Как стоп-кран рвут,
отдаляя расставание,
окна – настезь,
душу – настезь тоже!

Господи, дома-то постарели как!
Сгорбились над лужами, ворча,
словно бабки над остывшими тарелками
шей – для не захавших внучат.

Воздуха – как в песне.
Слышно вёрсты.

Мы бросаем в речку пяточки.
Мы сюда когда-нибудь вернёмся.
Избяная наша, подожди.

Оглянусь...
К стеклу прижавшись, сяду,
ошутив прохладу у щеки.
А они столпились и с досадой
смотрят с того берега реки.

Не хватает зрения,
моргают.
И печаль струится сквозь очки.
А потом, наверно, собирают
брошенные нами пяточки.

1986

Майский снег

И грянул гром,
и выпал снег –
грусть вперемежку с шумом капель.
Как будто кто рассыпал смех,
потом подумал и заплакал.

А позже снег, набравшись сил,
качался мутными стеблями.
Но ветер, воя, их косил,
звenea воздушными серпами.

Потом, себе устроив роздых,
над клумбой, – словно он продрог, –
волчком крутился в хлопьях звёздных
и зарывался под сугроб.

Потом порхал. И так был сочен.
И так загадочен на вид,
что целый миг казалось – ночью
он снова в небо улетит...

Хотелось – но никто не вышел –
из снега горки заливать.

Все знали:
завтра день опять.
И грязи будет
выше крыши.

1985

Новый Год

Душу, жившую бесслѣзно,
омываю раз в году
голым трепетом берёзы, –
как из лужи на снегу,

среди цветного обезличья,
надоевших роков вой, –
русской песенной привычкой,
полосатою судьбой.

В сердце чувственная ругань
памяти гнездо свила,
но порой, как голос друга,
забываются слова.

И в предчувствия, как с горки,
мчишься, отморозив нос.
И любовь в дублёном горле
застревает, словно кость.

И опять приходит плата –
гаркнуть прошлому – Люблю!
И так хочется заплакать,
и опять, стыдясь, терплю.

И свернувшись матерщиной
в накопившемся соку,
черно-белая судьбина
примерзает к сапогу...

1986

АМИНЬ

В свете жизнью разыгранных драм,
что бы там атеисты не прочили,
влюблённый –
в женщину вхожу,
как в храм,
сотворённый великими зодчими.

И её просветлённым глазам
исповедуюсь напропалую,
к ним припав,
как к живым образам, –
Богоматери руки целую.

Каждый любящий – это родня, –
по скорбящему лику почуял –
и, забывшись, и, взор свой подняв:
«Мама, мама, где сын твой?!» –
кричу я.

«Может, умер он, может, в беде –
нищий духом, но в этой обители
воскрешаю в себе и в тебе
я любовь нашу, мною убитую.

С ней повязан я отчей силой».
 В то и верую, – осиянный, –
 что целую свою Россию
 в губы чёрные Несмеяны.

Не бывают чужими объятия!
 Под родным
 венценосным кровом
 дорисовываю уста невнятные
 я своей, пусть испорченной, кровью.

И служить тому чувству вещему
 вечный крест нас благословил.
 В церкви молюсь я женщине,
 живущей в вечной любви.

1986

* * *

И в память клонится чело.
Десятый век выюжит...
Россия,
какой неведомою силой
тебя вдоль мира размело?!

Валяют Ваньку отовсюду.
И с дыркою взамен креста
мужик шатается приبلудный
и не желающий родства.

Он как дыхнёт...
И в звёздной стае
запляшет солнце,
словно черт.
«Окстись!» – вскричу.
Душа отгаёт.
Но с крыш, как назло, потечёт.

1987

Сухарева башня

Не в силах распрощаться с днём вчерашним
и втискиваясь в завтра самоё,
я чувствую себя угнавшим самолёт,
увидев землю с Сухаревой башни.

Домой лечу. И мается душа.
В иллюминатор выглянув с тревогой,
всё то же вижу там: два алкаша
и б... бредут тоскливо по дороге.

И тонут с откровением и болью
во взглядах их и жизнь моя, и грусть,
и самолёт, – как крест на снежном поле.
А все пути ведут в Святую Русь...

А я лечу как будто на премьеру
чужой судьбы. Озлоблен, как дублёр,
с упрямством постигая – не Рублёв
в ту **троицу** выписывал мне веру.

А мы летим. И монотонно странно
проходит жизнь, не ведая беды.
И под пятою остаются страны,
и люди – вне борьбы и вне судьбы...

А мы летим, хотя немного страшно.
А впереди, перстом вонзив в зенит
натальный крест свой, Сухарева башня –
боярыней Морозовой летит.

1988

* * *

Ты пробовал стихи на запах?
Они, как вздох, дождём разреженный,
в случайной улице,
внезапно
пахнут любимой женщиной.

Поэзия ложится в строчку,
как тексты песен лебединых.
Я вычитал её под точкой
в глазах любимых.

Стихи на всё бросают тени.
Им тесен глаз,
как небу – ванна.
Возьми себе на черный день их,
как поцелуи –
до востребованья.

Когда душа пуста настолько,
что места даже для любви нет,
ударит в ноздри запах стойкий.
А выдохнешь, –
и строчка сгинет.

1986

Анна-море

Захлестывая чайковую клинопись,
море встало на дыбы
и опрокинулось,
зацепило небо по соседству,
помотало, –
дальше снова врозь, –
екнуло в груди,
оборвалось,
и тоской обрушилось на сердце.

...То виной не смытой закипало
то тобой по венам отливало
то ладонью придушив глаза
ревновало к пролитым слезам

годы вымывая
поминутно
смешивало вечер – ночь – и утро
укатило сердце за пределы...
И осело.

А потом,
покачиваясь
в мареве,
все мерещилось ночами:
то ли это пена на море,
то ль разбившиеся чайки.

1986

Рождение звезды

Выливали себя, как придётся,
пенной ревностью голубой.
Вдруг из долгой звезды над колодцем
родилась любовь.

Значит, где-то сердце родилось,
запророчило поздней кукушкой.
Пальцы влажные притаились
на своей половине подушки.

Как под долгой судьбой домотканной
вдруг,
прозрев,
о звезду уколотся
и, уткнувшись в небо ногами,
утонуть, как звезда в колодце.

1986

* * *

Шарф на пса намотаю...

«Свинство,

брат мой меньший, – скажу при этом, –

все же в век дисплеев и джинсов

неэтично ходить **раздетым».**

И, смеясь, побегу по траве.

На луну я кепчонку заброшу

и забуду, как был озабочен,

что прохладно её голове.

Через звёзды, как Бог, пройду я...

Знайте наших, капризные цацы!

И созвездья, как свечки, задую,

и к тебе прибегу целоваться.

Ну, а ты, на меня уставясь,

засмеёшься и чмокнешь в нос,

скажешь: «Снова напился, красавец,

и щетиной, как пёс, зарос...»

1986

* * *

Обласкав бездомную собаку,
в сантиментах,
словно год назад,
ухожу,
как чувственный слабак я, –
чтоб не видеть слез в её глазах.

Вспомнил:
– Все уже непоправимо...
Что за бред,
так брякнуть, не моргнув?!
Я учусь терять своих любимых
и всё научиться не могу.

Что за гробовое слово – вечность?!
Не понять,
коль был хоть раз любим,
коли вновь
волнует чувства вечер,
и так тянет
к женщинам чужим.

1987

Воспоминание

Андрею Ермакову

Иногда,
по старому обычаю,
хочется упиться – до балды –
и, сжимая девочку приличную,
клясться ей в любви до хрипоты.

И завраться,
и, усевшись в лужу,
плач по Стеньке сердцем прорыдать –
свою душу
глоткою наружу
по ушам пушистым разливать.

И, забыв про крылья за плечами,
наплевать на мнение толпы...
И весь вечер все свои печали
вместе с персияночкой топить.

Потрясать прогнившие основы
и свергать кумиров –
в грязь лицом,

оценить сочувственное слово,
застрелясь солёным огурцом.

Завязав с убогим этим бредом,
замолчать,
скучая до поры,
и, мрачняя,
подливать соседу,
тянущему голосом дурным.

И опять разлить за жизнь иную,
где никто ни разу не бывал...
И –
на друга голову тупую
вылить
недовыпитый бокал.

1989

Щенок любви

Умерла любовь,
как издыхает сука...
Вроде этим всё разрешено.
Но остался хлипкий, близорукий,
днём и ночью воющий щенок...

Ты **устал тебе** уже не нужно
слов её, где всё опять – враньё,
но ты хочешь быть великодушным
с женщиной, — ведь ты любил её.

И ты в который раз её выслушиваешь,
любовь хоть в памяти пытаешься разыскать.
И нежность из себя за хвост выуживаешь,
укладывая третьей на кровать.

И выходишь **утром, как** оплётанный,
и как будто кем-то обворованный.

А в душе скулит, скребётся, корчится
тоска собачья. И тебе вдруг хочется
бежать,
бежать, не вглядываясь в лица
могущих вдруг тебя усювестить...
В горло мертвой хваткою вцепиться
и до хруста челюсти свести.

1986

* * *

Милая,
мы в сумасшедшем доме.
Ты сквозь стену приходишь ко мне.
Принимая чужое подобие,
пририсованное к простыне.

Мы теперь больше с тобой понимаем,
мы умудренными стали почти...
Как тысячи расстроенных роялей
рычат вороны в каменной ночи.

Тени в окне проплывают неслышно.
И сладко пахнувшие качаются груши.
Руки за ними тянешь пристыжено,
прямо в руки стекают
обвисшие груди.

Будильник с кнопкой в башке,
как в шляпе,
на кровать тарачится,
словно рожь в усах...
Ну их к черту! –
пойду пошляюсь.
Светит луна, точно дырка в трусах.

Иду по траве, будто против шерсти
глажу тропинку к тебе,
насвистывая...

Любовь –
гениальнейшее из сумасшествий,
но нас, к сожалению, скоро выписывают.

И ты горячим лбом к стеклу прижалась.
И распахнулась ночь опять,
как книга наших вечных жалоб,
где нету места, чтоб писать.

И все усилия напрасны
в глуши дрожащего листа.
Но ты выводешь желтой краской
профиль упрямого лица.

1986

Из сентября

Как будто осень разыграла в лицах
тревожный сон:
дрожа и серебрясь,
в твоих глазах, как в уцелевших листьях,
скучающая прихоть сентября

качается...

Я жду...

Уже ловлю,

крича руками глупое: «Люблю!»

Как прост твой вид стал...

И глаза слезятся.

И в полужесте вздрогнула рука.

Лишь губы не решаются расстаться

с последней правдой,

чтоб – наверняка...

Люби...

вшая, не мучайся...

Не мучай!

Влюбленный сор вытряхивая бурно,

солёных листьев выцветшую кучу

и груз надежд –

я сам, с размаху – в урну.

И хохотать, как псих,
как полагается
всем дуракам, кто верил в чудеса.
Пусть гибнут, пусть летят, –
хоть осыпаются,
хоть просыпаются
с другим твои глаза.

Что делать – осень.
С веток, индевея,
шурша, слетает август...
Стар обряд –
спиною к лету раздеваются деревья,
рассматриваясь в лужах сентября.

И отдаются осени. И это
зовётся не изменой –
бабьим летом.

А грусть тебе к лицу,
так хорошо
вплелась в прическу жёлтая погода...
Бывай. Желаю счастья!
Я пошёл.
Твои глаза больней моих
покуда...

Всё ещё любимой

Эта девочка стоит бутылки шампанского...
От последней десятки
останется на «мотор»,
чтоб умчать в коммунальную тьму-тараканскую
откупоренный,
выдохшийся разговор.

И забыть.
И забыть навсегда!
И запомнить
её тело,
пробивающееся ко мне
из тех лет,
как из тёмных зацветших затонов...
а потом, оглянувшись, увидеть в окне

женщину...
Постороннюю. С кислой миной.
Которую не в состоянии для себя отменить.
О, как она умеет быть **любимой**
и, плюнув в душу,
что-то в ней отмыть.

– Мы вряд ли снова встретимся.
Послушай,
сегодня мне, что хочешь – по плечу.
Лишь пожелай,
пропью с тобою душу.
И совестью за это заплачу.

Любовь пытаться – жестоко,
лучше тело
отдать на растерзанье палачу.
Ты слишком глубоко во мне засела.
Но я мужик.
И я тебя хочу!

Честнее так...
А жалости мне мало
к тем нам,
что до сегодня не дошли.
Хочу,
чтоб ты – сейчас – моею стала.
Но лишь ценой всех призраков любви.

1986

Настроение

Дождь.

Рояль расстроенный
выкаркивает гаммы.
Вышлёпываю стойко
под сумасшедшим гамом.

В ночной сумятице,
среди прочих,
ещё иллюзии пасутся...
Рояль – угрюмый переводчик
моего в тебе отсутствия.

...Словно сердце твоё подслушиваю
или в душу влезаю вором,
и тоска на башку обрушивается,
как с веток дохлые вороны.

Наверно, все болели гриппом
и вот такой же хриплой грустью...
Твоё лицо страдает – гримом,
моё – до хруста...

И почему-то так не^имется
вбежать к тебе, расправив плечи,
бить по роялю – чем придётся...
За то, что дождь,
за то, что вечер.

1986

Зимние метаморфозы

Метель из улицы – твоими волосами.
Снег – в душу, словно милое враньё.
Бегу туда. Просвет между домами –
там – в глубине двора –
лицо твоё...

Ты злая, ты холодная, ты снежная.
Ты маленькая, добрая и нежная.
Все врёт метель! Ты добрая.
Ты злая.
Ты равнодушная.
А, впрочем, я не знаю.

Забывать тебя! Я выдержу – я си...
Такси...
Плевать на всё!
Такси, такси!

Выдергиваю дверцу из машины,
запалом сигаретку машинально.
«Поехали», – пока я не взорвался,
пока не передумал, не остался.

«Куда везти?» –
К сидению прирос.
«Куда везти-то, а?» –
«Что за вопрос?!
Конечно, к ней!
Туда, туда,
где в грубых вьюгах севера
совсем не помнит обо мне
очаровательная стерва.

К той, что не выбежит навстречу
и не всплакнёт, когда уйду.
И даже не подставит плечи,
когда в бессильи упаду.

Которая меня погубит,
которую я погублю,
которая меня не любит,
которую я не люблю!!!

Которую, остыв немного,
не пожелаю и врагу,
но не отдам ни злу, ни Богу.
Из-за которой всё я вру...

В общем,
она самая земная,
самая мне нужная она». .
«Я не знаю, где живет такая...» »
Вылез.
На дворе
стоит
весна.

1986

* * *

А ведь совсем не обязательно
знать имя женщины любимой...
С влюбленных губ срывая зарево
той тайны, что неодолимо

рождает музыку,
подспудно
наружу рвань души полетом.
И вот срывается посуда.
И вдребезги –
с хрустальной нотой!

С любимую, забившись в небо,
за первый поцелуй состариться.
Свою судьбу рвануть за стебель,
чтоб в искушеньях не раскаяться,

чтобы желаньем моментальным
все объяснять,
не разломить зубами тайны
и музыки не расплескать,

чтоб, имя на губах почуя,
взахлеб над счастьем
замолчать...
Его – как женщину чужую –
случайной встречею назвать.

1986

Последняя любовь

С тобой ко мне приходит осень
в косых разводах журавлей.
И мы летим в густую просинь
сырых разлапистых ветвей.

И то не листья,
облетая, –
а годы хлещут по щекам...
Свою любовь оберегая,
влюблёнными не выжить нам

там, где к бессмертию в нагрузку
природой заготовлен впрок –
с тоской рябиновой вприкуску
сирени горестный глоток.

1986

Расплата

А бабы какие любили его,
как взоры прохожих рыдали!
Как он дорожил...
Как терял их легко.
А как грациозно его покидали...

Потом забывали
и падали в ночь.
И только во сне навещали,
за ручку любовь приводя,
словно дочь,
в пропахшей духами печали.

Он чад целовал и, не зная в лицо,
на памяти не экономил.
На сердце надел золотое кольцо.
Во сне их всех перезнакомил.

И так с этим свыкся,
что перезабыл
и запах волос, и вкус флирта.
И вдруг в темнотище проснулся
и взвыл:
– Кого же из них
я любил-то?...

1986

* * *

Человек уходил из себя,
словно слезы
этих женщин,
растерянно глядя вокруг.
В переулке, споткнувшись о запах мимозы,
выронил сердце из рук.

И оно разбежалось стучаться и плакать
в наступившую память.
Забыв о толпе,
он случайную женщину,
взявши за локоть,
посадил вместо сердца, оторопев...

И, припомнив их всех, с кем расстался так
странно,
потянулся губами в пропавшую юность.
Женщин всех называл с грустной нежностью –
Анной...
Удивился и вздрогнул,
когда сердце вернулось.

И совсем не почувствовал боли вчерашней.
Подгоняемые сквозняком,
в переулке звенели шаги уходящие...
Он любил этих женщин потом.

1986

* * *

По городу тёмному,
всуе
запутавшемуся в веках,
бродят холодные поцелуи
на сетчатых
длинных ногах.

Идут в одиночестве шатком
и ночи,
под просвист теней,
себя раздают без остатка
и растворяются в ней.

А утром их нет.
И машины
вдыхают озябший бензин.
На улицах только мужчины.
И губы горят у мужчин.

1986

Почти ни о чём

Не пытайся проникнуться...
Чувства дистрофик
от ощущения весны – без ума.
А когда ты внезапно поймешь эти строфы,
у вас
уже будет зима.

Уже будет ребёнок...
И в золоте света
мы пойдем с ним в диковинный сад...
А сегодня,
давая прощальное лето,
я зову тебя в свой
сердцепад.

Знаешь, сколько лежит их,
летит.
И растут ещё...
Хоть срывай, хоть пинай ногой.
Без тебя моё прошлое было бы будущим.
Ты позабыла его...

1987

Привидение

Я вновь набрел на старый дом,
где нам любовь постель стелила,
где полночь нас с тобой вдвоём
на царство возводила,

где всё от твоих юных глаз
сверкало,
где утро постоянно нас
свергало.

Он отдан, видимо, на слом,
но не рассыплюсь сожаленьем.
Я сам теперь, как этот дом,
где ты блуждаешь привиденьем.

Я заглянул в него несмело
и не дыша,
но от него давно душа
отлетела.

Сводил с ума собачий вой,
дождь барабанил злобно.
Я не увидел ничего
сквозь выбитые окна.

1986

В ожидании любимой

Привыкаю любить не спеша.
Обхожу свою память по кругу,
трезвой ночью не встретив подругу
на углу, где споткнулась душа.

Непривычное слово «семья»
наделяет меня новым зреньем.
Но, как прежде, любовь – это я,
а Она –
мое душетворенье.

Разошёлся народ по домам.
Только всё это игры для взрослых.
Тот, кто любит, уходит в туман,
по себе оставляя лишь воздух.

И опять с тобой кто-то иной.
И любящих отчаянье вертит.
Я бегу и подобие смерти
ощущаю все чаще спиной.

Но нельзя же любить сразу всех!
Тормозясь,
загребая ртом воздух.
И глаза голосуют за прозу,
оглядывая встречных
снизу – вверх.

1987

* * *

Захару Прилепину

Я не сторож брату своему.
И не брат я сторожу тому,
кто стрелял на соловьиный шорох,
кругом первым сделал Колыму.

Я не сторож брату твоему,
что поверил в гордую войну.
И стрелял на Север, Юг и Запад,
доверяя Богу одному.

Просто брат я брату своему,
просто честь не подчинить уму,
просто он тогда меня не выдал ...
И теперь мне трудно одному.

Я не сторож брату своему.
Приглашаю всех на Колыму...

Я в Москве люблю ходить на небо,
А ещё – в Бутырскую тюрьму...

2008

У МЕНЯ НА ТЮРЬМЕ

Галине Гагариной

* * *

Во сне пройду по коридорам
Бутырки,
гулким, как столетья,
пущу свой голос на просторе
и загляну в глазок – «сто третьей».

Забывшие увижу лица, –
своё –
с вершины лет и боли...
И голос мой взлетит, как птица
на выстрел, –
плакаться о воле...

Проснусь – на ощупь –
в плече мятом.
В поту.
И выпив тёплой водки,
сползу подкошенным солдатом
в сон,
как в окоп – глухой, короткий,

А там настигнет голос-эхо,
лихую растревожив дрёму.
И скажет буднично и тихо:
– Ну что ж, привет,
ты снова дома.

2008

* * *

У меня на тюрьме вольный ветер живёт,
по твоим волосам он позёмку метёт.
Он печали метёт по крутым берегам.
И взбегает искра по точёным ногам.
И бенгалом горят мои чёрные дни,
осыпаясь на русские плечи твои.
И я вижу, как воздух прессует гроза.
И вскипают рассветы в заветных глазах.
И судьбу я рисую на мокром песке,
на зелёной,
к глазам подступившей тоске.

1993

* * *

Меня стерегла лишь кручинушка-доля,
когда мне служивый надежду принёс.
Запиской твоей ворвался ветер воли,
как – взаперти обезумевший – пёс.

Что можно любить так,
страдать можно столько,
не ведал мой разум до этого дня.
Мысль о тебе воет бешеным волком,
как – взаперти обезумевший – я.

1993

* * *

Воспоминанья о тебе
накатывают то и дело,
как то, куда ты так хотела, —
из детства море.
Но в судьбе

уже наметился разлом
меж нами и извечным морем.
Твоя ладонь, как старый дом,
рассечена морщиной горя.

Твоя рука в моей руке.
Моя судьба в твоей ладони.
Мы тянемся друг к другу,
стонем.
И строим замки на песке.

1993

В тюрьме

А мы нарушили заветы
и не послушались людей.
Но мир, сживая нас со света,
не одолел души твоей.

Святая дьявольская сила
в ней святотатственно жила:
днём по пятам за мной ходила,
а ночью душу стерегла.

Твой образ сквозь прогорклый воздух
в моё вплетался естество.
И я в слепой ночи беззвёздной
лепил и приближал его.

Тебя я всю в истоме сонной
бессонною ласкал рукой –
на потной простыне казённой,
уже измятой подо мной.

Ладони утопали в теле
и с губ стекал любовный сок.
И лишь глаза в глаза глядели
и лишь сердца считали срок.

И, своего дождавшись часа,
тонули в небе ты и я.
И долго плакали от счастья
во тьме земного бытия.

1993

* * *

Все забыл: твои косы и платье...
Но, привычную душу губя,
за стеной, за бедой, за распятым,
наконец, обретаю тебя.

Бездна духа и вечные звёзды
не смущают тюремный покой.
И прогорклый, прохарканный воздух
весь пропитан твоей чистотой.

И в стенах вековых казематов,
где Емелька главою поник,
вижу я в потном вареве мата
твой пречистый страдающий лик.

О себе уже не беспокоясь
и о воле не плача ничуть,
я судьбе своей кланяюсь в пояс,
твоё имя шепчу и молчу...

1993

* * *

На губах, овдовев, отцвели поцелуи,
как застывшие бабочки канули в прах.
И святится в слезе,
на ресницах танцуя,
твоё долгое имя на звонких ногах.

Остальное лишь тлеет и в памяти тонет.
И глаза наливаются небом седым.
Лишь, за воздух хватаясь,
упрямо ладони
вспоминают родное и близкое им.

И я слышу твой голос в тюремном оконце,
сбереженный, как ржавого хлеба ломоть.
И сквозь щели в душе незнакомое солнце
наполняет печалью притихшую плоть.

И становится странно легко,
и немая
песнь о волюшке с губ отлетает, как дым.
И друг к другу мы рвемся,
судьбу принимая,
всё как есть понимаем
и в стену глядим.

1993

* * *

Дорогая, как ты там за мукой-разлукой
в своем буйном цветенье кукуешь года?
Протяни мне –
в прощанье застывшие – руки.
Я вернусь! Я тебя никому не отдам!

Я ворвусь к тебе ночью,
как воин ликуя,
упаду пред тобою в священном бреду.
И губами, забывшими вкус поцелуя,
как к колодцу, к любимым устам припаду.

Буду пить твоё тело до изнеможенья.
Чтоб вскипала в объятых звериная жуть.
Окна я кирпичом заложу.
И до жженья
на губах – буду пить.
А потом расскажу,

как в глухой полутьме своей чуть не ослеп я,
когда, свет твой увидев, пошёл напролом...
Как однажды, накрыв мою голову пеплом,
смерть нависла, глаза зачерпнувши крылом.

Как визгливая ревность взвивалась над шконкой,
как на лезвии бритвы игрался с судьбой,
когда старого зэка седая наколка
в тонком лучике мне показалась тобой.

Как тебя рисовал я, и стенка сырая
проминалась,
как рвалась незримая нить,
когда пальцы я сбил,
штукатурку сдирая, –
чтоб тебя на свободу с собой унести.

Как звучала во мне, желваками играя,
затихала на миг и взрывалась вновь,
в эти гиблые камни вживаться мешая,
эта невоплощенная в сказку любовь.

Я вернусь навсегда. И душою воскресну.
Сбереженную мною затеплю весну.
И тебе – растерявшейся –
выплачу песню,
и прижмусь к тебе весь.
И, как мёртвый, усну.

* * *

На тюрьме шел дождь, заливая дворик
тёплой, вянущею водой.

Пахло летом, сосной, почему-то морем.

Или просто всё это было тобой...

И дышалось грудью, и капли висли
на носу, глазах, на усталой душе.

Память гасла. И ни единой мысли
в голове не удерживалось уже.

И сквозь клетку небо лучилось светом
и чириканьем птиц. И хотелось пить.

Никогда не думал, что в мире этом
можно так легко, беззаботно жить.

1993

* * *

Берегиня моя, золочёное яблочко –
с наливной, расписной, разудалой косой.
Покатилась по ветке, по ёлочке-палочке,
по груди проскользила калёной стрелой.

Прикоснулась к губам, опалила дыханием,
в ретивом замерла как малиновый звон,
среди ночи вошла над моим мирозданием,
отражаясь лицом от пречистых икон.

Опоила гремучим вином счастья-верности,
окропила слезой, как живую водой,
в обручальном кольце
заперла, словно в крепости,
от дурных чёрных глаз заслоняя собой.

Повела к себе в дом по сожжённой Рязани, и
воссияла звезда вековая во лбу.
Берегиня моя, родовое сказание,
вздых заветной царевны в хрустальном гробу.

1993

Твой силуэт

Твой силуэт в дверном проёме
и солнце, бьющее в глаза мне, –
последнее, что память помнит,
опомнившись в мешке из камня...

Он отпечатался – как чудо
в душе, –
как на доске – апостол,
как свет, явившийся «оттуда»,
жизнь разделив на «до» и «после».

Я шел к тебе сквозь все запреты –
на голос за стальной клеткой,
навстречу явленному свету,
но видел только силуэт твой.

Ты, уводя меня от края,
во тьме промозглой полыхала.
Влюблялся каждый день в тебя я,
горела ты, но не сгорала...

Пятнадцать лет прошло бесследно,
грусть подступившая понятна...
Смотреть на солнце долго – вредно...
Ослепнешь.
Хоть и там есть пятна...

2008

* * *

На душе соловьями отпели рассветы
и поплыли закаты в глазах-небесах.
И твои поцелуи как бабочки лета
обреченно застыли на талых губах.

В волосах терпкий запах созревшей полыни,
пьяный запах измятой девичьей мечты.
Но сентябрь замерцал,
и серебряный иней
проступил сквозь родные до боли черты.

Я ведь врать не умел никогда.
И не буду.
Я любил, как бросал,
и бросал – не одну...
Растронжирил полжизни – на счастье как будто...
В сердце призраки бродят,
хоть вой на луну.

Пил, гулял, в драках часто бывал я некстати,
но не продал друзей,
Русь в себе не сгубил.
И пускай мегатонны души я растратил,
для тебя ещё больше в груди сохранил.

И я понял, что счастье сидеть просто рядом
и полыню дышать твоих душных волос,
задыхаясь во тьме раскаленного взгляда,
прогоняя печаль накатившихся слез –

от того, что ты есть на планиде-планете
и не кончилось время на наших часах,
там, где как соловьи надорвались рассветы
и взорвались закаты в глазах-небесах...

2008

* * *

Мужик – охотник по натуре, –
не важно, брать или терять...

И только дуре,

бабе-дуре

такого сроду не понять!

Сидят кружочком, точат лясы.

А я на их возню плевал,

я лихорадочно влюблялся

и так же страстно забывал.

Всем хочется тепла и крова,

но как же дышится –

пока

дурною кровью зачарован

и плотской близью свежака!

Душа горела шапкой-кражей,

рвалась из клетки – небо пить,

предсмертная терзала жажда –

безостановочно любить.

Под сердцем,

как под водкой-квасом,

я с каждым разом западал,
с размаху в губы целовался,
чтоб сдуру – слёту – наповал.

Чтоб сдуру –
слёту –
без осечки...

Но под «сваровский» звон стекла,
затвором передернув плечи,
ты,
словно молодость, прошла.

Явилась ты, не запылилась,
была, как будто не была.
Душа взлетела и разбилась,
и за тобою поползла.

– Любимая, я, может, умер,
мне, как на небе, хорошо...
Мужик – охотник по натуре,
а баба, видимо, ружье...

2008

Пегас

Жене

Всё бери за ночь любви с тобою,
но чтоб ночь – на вечные года!
Нежностью почти что роковою
я к тебе прикован навсегда.

– Несвободен я! –
и больше нету
в лексиконе у поэта слов...
За такую грешную монету
покупаю я твою любовь...

Как напьюсь отравы долгожданной
глаз твоих,
мерцающих во мгле,
мой Пегас,
отлягивая ржанье,
в небеса несется – на метле.

Отлетают в стороны подковы,
вырванные молниями гроз,
и сияют в бездне –
светом новым
на копытах шляпки рыжих звезд.

Вверх летит,
как кошка выгнув спину,
весь в калач сгибается,
чтоб там,
резко
распрямившись,
как пружина,
бросить небеса к твоим ногам.

2008

* * *

Слишком долго я тебя не видел,
слишком много водки утекло,
слишком сильно я тебя обидел.
Снежной мглой глаза заволокло.

Пусть потом бессонница кричала,
я о стены бился головой, –
слишком громко вьюга бушевала
и свистели черти за спиной.

Треснув,
небо зеркалом разбитым,
обвалилось в бездну бытия,
град козлиным молотил копытом –
по проходим, бедным, как и я...

Стало легче, – вышла дурья накипь,
и тоска... Теперь уж не до сна.
Выбесившись,
стихли вурдалаки.
Значит,
в сердце понесла весна.

Чувствую, так было не однажды...
Спала пена звонкой немоты.
В горле, в сердце – ком пустынной жажды.
Значит, там –
за дверью снова ты...

Словно ива с плачущей причёской,
ты с ветрами в дом ко мне войдёшь, –
волосы не кошены расчёской,
и глаза, – летящие как дождь,

а в глазах твоих такое!!! небо,
что другое –
плачет от тоски,
кто в глазах твоих ни разу не был, –
даже не сопьется по-людски...

ну, а губы – жадные, как волки...
Задыхаюсь... Разобью стекло.

Я тебя не видел слишком долго,
слишком много водки утекло.

2008

* * *

Любви не хочу,
Боже, дай мне покой,
а нету покоя, хотя бы – запой.

Любимое тело устал целовать,
я все ей отдал, больше нечего дать.

Хочу отключиться, молчать, не внимать,
в траву бы уйти или рыбою стать.

От войн, эпидемий, вестей и властей
в безумное море безликих людей

забрось и толпой окати, как волной, –
боюсь тет-а-тет оставаться с собой.

Душа тяжела, – ненавидя, любя.
Один не могу,
убиваю себя.

Люблю! –
и за небо цепляюсь душой.
И в бездне тону
и тяну за собой...

2009

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПЕРЕВОДЫ**

ОМАРЛА БАТЫРАЙ

один из основателей даргинской литературы

* * *

Мать твоя
День и ночь о деньгах лишь талдычет,
Чтоб пожрал её пламень проклятого злата!
У меня на руках,
На ногах – десять пальцев, –
Разве это не клад,
Что ж богатство лишь свято?!

Твой отец говорит,
– Я землёй не владею,
Чтоб под эту глиной его закатали!
Что ж, не собственность разве –
Любимое тело, –
Каждый пальчик, –
Что губы, целуя, познали?!

* * *

Сколько было,
Сколько будет песен спето,
Их душа всегда герою посвящает,
Ведь когда война безумствует на свете,
Он один собой пол войска заменяет.

Сколько в жизни бы ни складывал я гимны,
Чистокровным скакунам пою их, стоя, –
Конь джигита не предаст, –
Они едины, –
Даже мёртвого выносит с поля боя.

Пусть всегда живёт храбрец,
Хоть даже кровник, –
Смерть героя только труса ободряет, –
Мол, свободен годекан,
Теперь он ровня
Всем другим,
И его место занимает.

Лучше пусть помрёт подлец,
Чертям в угоду,
Даже если он единокровный брат!
А храбрец не рад и этому уходу,
Жаль вдову ему и маленьких ребят.

Ну, а если всё ж герой на этом свете
Погибает,
То тогда с конём пускай! –
Чтоб коня его и друга
После смерти
Не забрал себе богатый негодяй.

Если всё ж героя нашего не стало,
И жена такой пусть следует судьбе,
Чтобы бабник и подлец,
Каких немало,
Не забрал его красавицу себе.

ФАЗУ АЛИЕВА

народная поэтесса Дагестана

Строки любви

Рушатся горы на нашей планете,
Реки-моря превращаются в мели,
Тыщи веков,
Пролетевших, как ветер,
Шар мой земной пощадить не хотели.

Рушатся храмы, дворцы, пирамиды,
Не оставаясь ни в строчках, ни в строфах.
Даже галактики, как Атлантиды,
Вдруг исчезают в своих катастрофах.

Но всё же есть на земле нашей зыбкой
Нечто святое,
Друзья-человеки,
Я в небесах со счастливой улыбкой
Запечатлела на вечные веки

Эти слова нашей пламенной речи,
Что прозвучали из уст всех влюбленных.
Ибо любовь долговечней и крепче
Каменных гор
И галактик бездонных.

* * *

На голос Родины
Из самого далёко
Приду хоть в дождь, хоть в снег,
Назло ветрам,
Неколебимость мне ценней зеницы ока,
За монолитность –
Жизнь свою отдам.

МАГОМЕД АХМЕДОВ

народный поэт Дагестана

Расул Гамзатов

После смерти твоей
В доме плача согласия нету,
Сирота наш аварский язык...
Ты один был Поэтом.
Все забылись грехи,
А величье зияет, как рана.
Ты и Каспий – два моря,
Две славы земли Дагестана.

Чем ты дальше уходишь,
Становишься ближе к народу.
Открывается тайна из тайн
Силы горского рода.
В тебе сила бескрайняя,
Данная Богом, – ты вечен,
Не коснулась тебя
Даже тень самых подлых словечек.

Ты над миром раскрыл
Поэтический зонт Дагестана,

Чтоб под ним собрались
Все влюбленные земли и страны.
Две поющих струны
На аварском пандуре – планету
Слушать ты заставлял
Золотыми словами Поэта.

И не гнули спины
Ни пред кем твои гордые песни,
Но звучали над миром
Симфонией самой чудесной.
В государстве любви
Было, может, немного и тесно,
Но влюблённым всех стран
Находилось свободное место.

Вспоминаю теперь и улыбку,
И взгляд твой весёлый.
Терпкой речи твоей
Мёд таланта мы брали, как пчёлы.
В нём и сладость была,
В нём и горечь была от природы,
А слова ты сбивал,
Словно строил жилище –
На годы.

Ты ушёл, и теперь
Наша песня, как речка, мельчает
И к подножью горы твоей
Хилою струйкой стекает.
А щенки волкодавов бездарны,
Хотя их немало...,
С рыком тужатся, мол,
Он ушёл, наше время настало!

Мой учитель и друг,
Ты всегда был для нас великаном, —
Чистый горский родник
Сделал ты мировым океаном.
...После смерти твоей
В доме плача согласия нету...
Если честно сказать,
Ты один,
Лишь один был Поэтом.

* * *

Я горной речкой с Родины сбегал,
К Отчизне пробиваясь родниками,
Найдя тот древний дух, тот идеал,
Что на кладбище жив лишь – между скал
В густой пыли, оставленной веками.

Я ненавижу двадцать первый век,
Где злоба, зависть ходят между нами.
Когда умру я, слышишь Человек,
Пусть песнь моя останется навек –
Как мост, парящий между островами.

* * *

Моя горная речка – не Чёрная речка,
В ней великой поэзии бьётся родник.
Возвращаюсь я в горы, дышу родной речью
И вхожу в небеса, как в объятия родни.

Нет, не Чёрная речка – та горная речка.
Два поэта встают, но не вечен гранит...
Пушкин падает в снег,
Но поэзия вечна!
Та ж проклятая пуля
В Махмуда летит...

Повесть

Двух женщин в жизни полюбил мой стих.
И две слезы текли из глаз моих.
От первой мне осталась только тень,
Зато цветёт вторая, как сирень.

Две женщины стояли на пути,
Два сердца бились у меня в груди.
Одно становилось в свой черёд,
Второе – мне не умереть даёт.

Лорд Байрон

Ю. Кузнецову

Дописан стих, легко вздохнула грудь.
Ржавеет меч, конь у крыльца заржал.
Лорд Байрон, я готов пуститься в путь
Вдоль по судьбе – по лезвию ножа.

«Остановись и в ножны меч вложи,
Оставь другим судьбу ночных забав.
Кто поднял меч, тот обречён не жить...»
Но ты умчался вдаль, к седлу припав.

Крик в спину слышен: «Ты умрёшь, как
зверь...» –

«Умру в седле, не для меня покой!»
Спасибо, Лорд, к чему слова теперь,
Ты держишь стремя вечности ногой.

«Лорд, Греция зачем тебе, постой,
Другой воюет пусть, ты песню пой».
Ты отвечаешь: «Песня – это бой,
Их разделив, не Байрон я, – другой!»

Да здравствует свобода, за неё
Моё перо взлетело, как копьё.

Пегас – мой конь, Пегас мой боевой.
Перо и меч – из стали из одной».
Спасибо, Лорд, смешон, смешон покой,
Ты держишь стремя вечности ногой.

Поэт

Словно эхо кровавых времён и эпох –
Тех же самых вопросов опять повторенье.
Только мир сотворил неуступчивый Бог,
Кто с мольбой смотрит в небо, а кто с нетерпением.

Уверяют одни: «Ложь везде, правды нет!»
«Не убий! – Это грех», – слышен голос у края...
На все эти вопросы один лишь поэт
Вечно ищет ответы, с судьбою играя.

И когда его голос находит Творца,
То, беснуясь, толпа бьёт Пророка камнями,
Но когда его слово поймут до конца,
С неба сыплются камни и адское пламя.

Но идёт он и в мир, не мигая, глядит.
Он изранен. И уголь в его сердце тлеет.
Поле боя гудит в ослабевшей груди.
Тихий голос молитвы в стихах не слабеет.

Смотрит в небо, как все он, страдания полн,
И текут его слёзы иным на потеху,
И вопросы извечные вечных времён
Всё терзают его.
Он их вечное эхо.

Простая песня

С правдой легче идти, хоть она не легка,
А больному помочь, —
Не бесцельные хлопоты.
И пусть сердце болит, не скудеет рука, —
Значит, все ещё жив пред людьми и пред Богом ты.

Счастлив тем будь,
Что Бог дал в краю нам родном,
Не мечтай о богатстве мечтой нездоровою.
На Тот Свет не уйдешь ведь в гробу золотом,
Не заменишь Отчества Родиной новою.

* * *

Никого уже не вызовешь к Барьеру,
Больше нет на свете слова «дуэлянт».
Подлость, зависть нагло делают карьеру,
Убивая имя, славу и талант.

Под окном война гуляет удалая,
Снова правят бал предатели-вожди.
Даже кажется,
Вокруг страна чужая,
И народ язык не вспомнит свой, –
Не жди.

Ночной ветер

Снова ветер ночной, как гуляка, стучится в окно,
Треплет память мою, словно спросит о чём невзначай...
Ах, о чём это он? –
Да о счастье, что сплыло давно
И о жизни загубленной – песни его по ночам.

Ненавижу, боюсь я ночей этих чёрных, как смоль.
Всё от ветра гудит: и дома, и кусты, и большак.
Словно память врачует мне – в сердце возникшая боль.
Силой воли я душу свою зажимаю в кулак.

Каждый день моя память, встречая пришедший рассвет,
Мне твердит, – всё прошло, словно миг, стали ночи,
как дни...

Жизнь мою крутит ветер прошедших берёзовых лет,
Лишь ночами заполнены прошлые годы мои.

Только ветер ночной, как собака, всё воеет в ночи.
Я один, как всегда,
Нет в округе родного лица...
Рана в сердце моём, как от пуль, от обиды кричит.
И в груди поле боя шумит без конца, без конца...

Нет хороших вестей. И никто мне не сможет помочь.
Обреченный на память, лишь с ветром беседую я.
И уже я не знаю, где день, а где вечная ночь,
Не в ту сторону, видимо, стала возвращаться земля...

* * *

Даден путь извилистый поэту.
На вершинах в ночь –
Туман осел.
В озере мечты плывет к рассвету
Лодочка моих хороших дел.

Облака уйдут, –
Проступят горы.
Есть конец пути...
А за грехи
Мы уйдем,
Покинув землю скоро...
Вечны только звёзды и стихи.

* * *

О, времена!
Ни веры нет, ни чести...
Я стиснул кулаки и зубы сжал.
Среди живущих в зависти и лести,
Смешон я, как зазубренный кинжал.

Но я на хадже был,
Аллаху Слава!
Что мне смешки или хвалы слова?!
Прощаю всех врагов,
Имею право, –
Всевышний так велит,
Ему хвала!

Война

Каждый день сраженье принимаю
И иду в атаку – как комбат,
Как снаряды, мысли пролетают,
Пули-дуры без ума летят.

Просыпаюсь, пулею не мечен,
Кто-то смотрит на меня в прицел.
Из кольца врагов опять под вечер
Выползаю снова – еле цел.

Другу я кричу,
Как с того света:
– Жизнь готов за Родину отдать?!
А в ответ: —
Дурак, её ведь нету,
Просыпайся, братец, хватит спать.

За кого ты умереть-то хочешь?...
– Я за Дагестан умру сто раз! –
Кто молчит,
А молодежь хохочет:
– Нет войны, оставь в покое нас.

Слышу адский свист, аж в жилах стынет...
Пули свист – среди живой лозы...
Раненый лежу я на вершине:
– Дай глоток воды, родной язык.

Кто рождён в горах, умрёт на небе,
На вершине, –
Вот он пьедестал!
...А ты ползай там – внизу,
Ты не был
На войне, когда народ страдал...

* * *

О, мои гунибские берёзы,
Милые гунибские мои,
Над ручьём, как девы, моют косы,
Косоньки зелёные свои.

Птички вы мои, что синим летом,
Позвончее соловьёв поют.
Цветики мои, что нежным светом,
Только взглянешь, целый мир зальют.

В детстве, словно свечи, вы горели,
Свечечки зелёные мои...
А когда влюбился, в небе тлели
Звёздочки зелёные любви.

О, мои гунибские берёзы,
В косах расплетенных – сквозь года...
Не забыть мне – вас, девичьи слёзы,
Путь в аул Гонода – никогда.

Будет моя память ливнем литься
Над Гунибом, сыпать сотни слов...
Даже перестанут падать листья
С тех берёз, как с прожитых годов.

Сменит пусть сентябрьские укоры
Песнь зимы и нажитой вины,
Ведь уже седин моих узоры
Вам не скрыть, берёзовые сны.

О, мои гунибские берёзы,
Вечные, бессмертные леса.
Молодость гунибская, – сквозь грозы –
Синие в ладонях небеса.

Пусть, когда умру я, и иначе
Запоют на свете соловьи,
Над моей могилою заплачут
Тихие берёзоньки мои.

О, мои гунибские берёзы,
Милые гунибские мои,
Памяти мерцающие звёзды,
Песни нерастраченной любви.

Родной язык

М.И. Магомедову

О, Дагестан,
Очнись, что дальше будет, –
Язык отцов ребенок забывает?!
Что делать мне? Хоть плач!
В пучине буден
Пришла беда –
Язык мой умирает!

И крик не слышен –
В городах и весях
Мы мечены судьбою иностранной...
О, Магомед,
Моя бессильна песня,
И мой язык кровоточит, как рана.

Довольствуемся мы чужою речью,
Так меда не вкусив родного слова...
Скажи, мой друг, а на каком наречье
Последний вздох свой сделать мы готовы?

Язык и честь –
Перед победным строем
Молитвой были в дагестанском небе.

Коня герой седлал и под героем
Конь звонко ржал в Ахульго и Гунибе.
Но вещей сад родной цветущей речи
Град конца света варварски угробил.
Убийцы мы!
И оправдать уж нечем
Нам кровь отцов, текущую с надгробий.

Друг Магомед,
Язык – дорога к Богу.
На мир гляжу и повторяю снова:
– Забыв язык, теряем мы дорогу.
Ничтожна жизнь без языка родного!

Всадники

Поборов перевал,
Ускакали усталые всадники,
Думы их далеко от любимых – в родимых домах.
Перед каждым есть путь,
Что сквозь Родину тонкою ссадиной
На чужбину несёт их на взмыленных добрых конях.

Кони взбили дорогу, вдоль скал пропылив многоточием,
Лишь наездники в сёдлах скрипучих, танцуя, плывут
В том безмолвном движенье,
Когда только горы пророчат им
О недолгой свободе – бездонной,
Возможной лишь тут.

Скрылись с глаз они вон...
Но народ в своём выдохе песенном
Имена их веками в сказаньях-былинах хранит,
Ведь в боях за Гуниб и Ахульго,
В том проклятом месиве
Не запятнана честь, коей юный гордится джигит.

Каждый всадник и воин...
Что ждёт нас на жизненном гульбище, –
Или сам упадёшь, или конь под тобою убит...

Но без этого жизнь –
Только путь от рожденья до кладбища,
А безумная скачка – лишь топот усталых копыт.

Но крылат конь поэта –
Бессмертное чудо природное,
И полёт его длится на сказочных этих крылах.
Почему же теперь впереди, как витии народные,
Деревянные всадники на деревянных конях?

* * *

Ночью звёзды на вечном пристанище
Пишут в небе свои имена.
И могильные плиты на кладбище
Отражают их свет на меня.

У могилы отца в одиночестве
Я стою среди каменных плит,
И звезда, что моё пишет отчество,
На меня всех нежнее глядит.

Голоса

Голоса я слышу, слушаю я их.
Память, словно эхо, отзывалась в них.

В них земля и небо, в них любовь и я.
И ещё вопросы слышу бытия.

Птицами взмывают прямо в небеса
Дорогие нашим душам голоса.

Два из них бессмертны и ведут нас в бой –
Родины единой, матери родной.

АБДУЛЛА ДАГАНОВ

народный поэт Дагестана

* * *

Плакал дед, когда, страдая, умирал,
И кинжал рукой костлявою сжимал.
И бежали молча слёзы по металлу,
Как враги его,
Когда он их сражал.

Он к щеке клинок зазубренный прижал,
Словно кровью,
Обагрил слезой кинжал.
Нет, не с жизнью старый горец расставался, –
Он последний раз кинжал в руках держал.

Цыганка

Ах, цыганочка моя – ты хитрозлая,
Твой характер лисий мой смутил покой.
Что за баба, даже пуля удалая
Не угонится порою за тобой!

Как танцуют эти плечи молодые
Да под гривой вороных твоих волос,
Ну, а глазки озорные – ножевые,
Что за чёрт их на погибель мне принёс!

А в ушах звенят, звенят луны монеты,
Словно ты, смеясь, их с неба сорвала,
На груди дрожит серебряное лето,
Что в разгул пустилось ночью со двора!

До утра во лбу, как в старой сказке светит
И горит, сгорая, синяя звезда,
Ты плывёшь как черный лебедь вдоль рассвета,
Исчезая в светлой дымке без следа.

Я к тебе совсем любовью не страдаю,
Но и в душу от тебя не скрою дверь,
И слова твои пустые вспоминаю,
Видно, чем-то ты взяла меня, поверь...

Сколько раз в Махачкале, не беспокоясь
Ни о чём, в моей копалась ты беде
И читала ты ладонь мою – как повесть
О любви, давно прошедшей, о судьбе...

Каждый день опять свой выбираю путь я,
То, что скоро буду счастлив, ты не ври!
Расскажи ты мне, смогу ль когда-нибудь я
Успокоить своё сердце от любви.

Ах, цыганочка моя – ты хитрозлая,
Твой характер лисий мой смутил покой.
Не кокетничай, ведь пуля удалая
Иногда поспеет даже за тобой!

* * *

Не спеши, под лиственной кроной
Посиди ещё со мною ты,
Ведь в саду прекрасные бутоны
Не раскрылись в нежные цветы.

Не спеши, соловушка печальный
Как и прежде о любви поёт.
Он не о подруге ли ночами
Грустно-грустно трели выдаёт?

Не спеши, – страдать, так лучше вместе,
Вместе легче горечь и беда.
Жили мы с тобой как в доброй песне,
Повторится ль это всё когда?

Друг от друга глаз не отрываем,
Прямо как из книги про любовь...
И плечами искры высекаем,
Даже в жилах закипает кровь!

А в садах прекрасные бутоны
Не раскрылись в нежные цветы.
Не спеши, под лиственной кроной
Посиди ещё со мною ты...

* * *

Что-то грустно сердце застучало...
Как тоскливо без родимых гор!
В Подмосковье тишина настала,
Я берёзок слышу разговор.

Соловьи врываются без страха
В тишину, как будто здесь одни.
Где-то рядом с дачей Пастернака
Бьёт, как у подножья гор, родник.

Вмиг туда уносят мысли-кони,
Где костры друзья отцовы жгут –
Чабаны седые, как на троне,
Сидя в бурках, разговор ведут.

Где-то воёт волк в ущелье диком,
Грозно отвечает волкодав,
Чабаны-мальчишки пляшут лихо,
С песнями смелее волка став.

В эту ночь у дачи Пастернака,
Загрустив, я головой поник,
Потому что в сердце вдруг заплакал
Памятью чабанский тот родник.

* * *

Отстрадав, отплакала душа
И забылась в старой грустной песне,
В памяти, как угли, вороша
Дни, которых не было чудесней.

Взрачивал я дерево любви,
Так плодов попробовать не смея.
Распуская волосы твои,
Не посмел я стать чуть-чуть смелее.

Шквал любви во взглядах бушевал,
Но доплыть до берега мечты я
Не успел, пришёл девятый вал,
Захлестнули волны нас крутые.

Не вернуть денёчки те назад.
Листья на ветвях затрепетали,
Не о нашей ли любви шумят,
О той клятве, что мы не сдержали?

* * *

Годы, как листки календаря,
Кружатся и падают в ладони.
И подранком алая заря,
Вздвогнув, в темноте житейской тонет.

Сколько было их, весенних слов,
Что зимой – как кость в собачьем горле?!
От весны осталась нам любовь.
От любви – страдание и горе.

Мы как два обветренных ствола.
Ветер гнёт деревья год от года.
И трещит и сыплется скала.
И меж нами трещины проходят.

* * *

Шумит печально дерево в саду,
Где целовались мы ночной порою,
Щебечут птицы, словно в том году, –
Поют, быть может, и о нас с тобою.

Ах, как же это было всё давно!
Закат в шуршащих листьях полыхает...
Зачем опять смотрю в твоё окно?
Жизнь протекла, как речка протекает.

Поэзия

Взошла звезда, в одно слились деревья,
В ущельях гор повеял холодок.
В коше чабанском, как затворник древний,
Я слушаю речушки говорок.

Чу, тихий звук, – зверь это или птица,
Шайтан бродячий из иных времён?
Но тишина, быть может, мне всё снится?
Но это очень странный чудный сон...

Нет, я не сплю, хотя огонь не гаснет, –
Какое-то томление в груди,
Как перед встречей с девушкой прекрасной,
Которая вот-вот должна придти.

Но то не страсть любви, когда на крыльях
Взлетаешь в предвкушении чудес.
Быть может, испытать коварной былью
Меня – спустилась ангельша с небес?

И вот её горячее дыханье
Ласкает грудь безумства на краю...
И не в коше чабанском то свиданье,
А я уже давным-давно в раю?

Но тишь вокруг. И я обескуражен,
Но что же кружит голову, зовёт,
Манит и соблазняет душу, даже
Плоть брeнная вдруг просится в полёт.

Но, словно в руки взявши на мгновенье
Себя, я стал пытаться у пустоты:
– Кто ты, ответь, развеи мои сомненья,
Зачем покой мой нарушаешь ты?

И я услышал на земном наречье
Тот голос из иного бытия:
– Молчи, о, смертный,
Ты сегодня вечен.
Я Муза, я Поэзия твоя!

Где, скажи, любовь моя

Сергею Соколкину

Юность, словно жеребёнок,
Пронеслась со свистом.
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?
Ведь на ржанье жеребёнка
Эхом серебристым
Много лет не отвечают уж
Караха скалы.

Речка, что свой путь пробила
По ущельям горным,
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?
Ведь под ропот волн бессонных –
Непокорный, гордый –
Руки матери
Мою здесь колыбель качали.

Эй, подснежник, что в сугроб
Влез, как в гости к милой,
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?

Лепестки твои упруги
Ласковою силой.
Их и зимушка-зима
Ведь непоистрепала.

Соловей, поющий песни
На ветвях высоких,
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?
Под мелодии полночных
Песен одиноких
Сердце бедное моё
Так горько тосковало.

Вы, весенние снежинки,
Что в ладонях тают,
Подскажите, где любовь,
Почему пропала?
Как и вы, совсем внезапно
Годы улетают,
Испаряются на небо –
Словно не бывало.
Ветерочек, теребящий
На висках седины,
Где, скажи, любовь моя?
Так пропала странно...

Отвечает мне прокаженный:
«Плакать нет причины,
В сердце у тебя любовь,
Не стареют раны...».

АХМЕД ДЖАЧАЕВ

народный поэт Дагестана

Отцовская рука

Отчую руку воздев на сыновье плечо,
Старший – по праву на сына глядит горячо.
Смотрит и жаждет услышать ответ, что непрост,
– Кто самый сильный.
Ответь-ка, сынок, на вопрос?

Замер, как дуб, сын, над коим разверзлась гроза.
– Я самый сильный! – сказал и не спрятал глаза.
Дважды отец повторяет вопрос,
Наконец,
Сын замечает, что брови нахмурил отец, –

Переживает, не знает, что делать и вот
Снова отец тот же самый вопрос задаёт,
Словно томится, уже не глядит горячо,
Руку свою не кладёт на сыновье плечо.

Сын отвечает уже без былой прямоты,
– Знаю, отец, что сильнее всех, конечно же, ты...

Был опечален отец и не знал, что сказать,
Стал над сыновьим ответом таким рассуждать...

– Да, не понять старикам – молодых вас подчас,
Слишком уж двойственно ты отвечал в этот раз.
– Знаешь, отец, я тогда был и вправду силен,
Этот ответ мой заранее был предрешён, –

Всё потому, что до этой вот самой поры
Сила моя была, как у огромной горы.
Всё до тех пор, пока ты, мой отец,
Сгоряча
Руку не снял с моего молодого плеча.

ХАНБИЧЕ ХАМЕТОВА

народная поэтесса Дагестана

Узоры мороза

Я совсем одна.
И сидя у окна
Я сейчас сосредоточенно тоскую,
А в окне моём мороз и тишина,
И мороз ворчит, – Тебе, тебе рисую...

Ох, узор выводит дедушка-мороз,
Бородой вода, как колонковой кистью.
На стекле букет весенних белых роз:
Стебельки видны, бутоны, даже листья.

Вот бубончики,
Те самые цветы,
Что дарил ты мне тогда, в начале лета...
Красота, мой друг...
Где я теперь, где ты?
Но мороз, мороз-то как узнал об этом?

А вот это листья,
Листья с моего –

Разукрашенного свадебного платья.
Золотая осень, смех и торжество.
Но мороз-то, в общем, не имел понятия...

Безупречна, но морозна красота!
Прикоснуться к стёклам хочется щеками.
Прикоснулась.
И растаяла мечта,
Но вонзилась в кожу снежными гвоздями.

Полинял,
Совсем испортился узор, –
Пропотела дырка в сказочном узоре.
Дед мороз сердитый всем опять назло
Бородой своей размахивать стал вскорее.

Мыслей столько,
Словно выпила вина,
И зачем на них зациклилась я всеу?
Одинокая сижу я у окна,
А мороз опять мне жизнь мою рисует.

ЮСУП ХАППАЛАЕВ

народный поэт Дагестана

Над неприступными горами

Над неприступными горами,
Там,
Где поэт мечты пасёт,
Орлы сидят под облаками
И видят абсолютно всё.

Дома их созданы веками,
В глазищах – звёздные костры,
Крыла обточены ветрами,
И когти, как кинжал, остры.

Ягнята тура, словно дети,
Скача,
Пускаются в бега,
Наверно, места нет на свете,
Что не топтала б их нога.

Луга зелёные и склоны
В камнях, в кустарниках сухих...
Они здесь тоже,
Тоже дома.
Ну, кто ж догонит их таких?!

На погосте

Могильное время стоит на погосте, –
Хозяйка средь тёмных камней,
А не гостя.
И все семена, что схоронены тут,
Уже никогда из земли не взойдут.

А люди, от коих осталось лишь имя, –
Ничто их уже к нам сюда не поднимет.
Лишь камни – свидетели вечных разлук –
Лежат, словно груз –
Плод работ ваших рук.

О, предки, простите порыв добрый мой,
На миг потревожу ваш скорбный покой.
Ведь здесь, –
Я на миг позабудусь мечтами, –
Могла бы земля вдруг покрыться цветами.

Сердца ваши к жатве – осенней порою –
Могли бы пшеницею стать золотою.
Наш край ещё больше бы стал уважаем,
Когда бы взошёл вдруг таким урожаем.

А если б мечты вашей жизни смогли
На свет появиться из этой вот мглы,

Какие б сады тут вокруг зашумели,
Какие бы птицы на ветках запели!

Но, чу! Тишина.
И никто не ответит,
Лишь с веткой акации шепчется ветер.
Да горная речка поёт и смеётся
О жизни,
Что только один раз даётся...

ШЕЙИТ-ХАНУМ АЛИШЕВА

народная поэтесса Дагестана

Свобода

Бык пыхтит, –
В тёмной потной шкуре
По живому несётся бурей,
Всё сметая...
Дорога сбита, –
Смерть и смерч на стальных копытах.
Нет цветов. И трава убита.

Дыбом шерсть, –
Ураган рогатый,
Он стоит на горе покатою,
Смотрит вдаль и вздыхает глухо.
А на роге его, над ухом, –
Солнца диск –
С пропоротым брюхом.

АМИНАТ АБДУЛМАНАПОВА

народная поэтесса Дагестана

* * *

Был страстный зов любви,
Его за шутку
Я приняла ещё давным-давно,
Потом был страстный взгляд,
Одёрнув юбку,
Взглянула равнодушно я в окно.

Теперь глухой я стала –
Даже к фальши,
Не слышу больше зовов никаких,
Да и слепа совсем
И взглядов ваших
Не надо мне ни тех и ни других...

БИЙКЕ КУЛУНЧАКОВА
народный писатель Дагестана

Чёртов вальс

Год за годом вальсируют парочки эти,
От безумной мелодии в сладком дурмане,
Уж не помня, зачем они жили на свете,
Караваном ослов затерявшись в тумане.

Эта музыка ног,
Эта музыка тела, –
Она душу кружит до сердечного стоны,
Как в ней много советов даётся для дела:
Как богатство нажить, ублажая Мамону,

Волчью сущность
В себе воспитать безвозвратно,
игнорируя прошлые наши святыни,
чтобы злато в душе зазвенело развратно –
без любви и без дружбы сердечной в помине...

И с Олимпа, откуда взирали лишь Боги, –
Людям смертным дорога на небо закрыта, –
Ножки свесив, смеётся башкою двурогой,
Старый чёрт, потирая стальные копыта.

Я молюсь – наделеню Всевышнего силой, –
Чтоб от вальса бесчестья очистить планету.
О, Господь всемогущий, спаси и помилуй,
Ещё, может, очистимся милостью этой.

МАГОМЕД ГАМИДОВ

(перевод с даргинского)

Четверостишья

* * *

В амбарах богача гниёт зерно,
Его так много, –
Мыши не съедают,
У бедняка же –
Холодно, темно,
Но даже соль всю
Черви пожирают.

* * *

Паршивейшая из всех овец
Отару целую испортит,
К сожаленью.
Вот так и свой аул
Простой подлец
Лишит надолго
Чести с уваженьем.

* * *

Когда б ко всем, хотя бы раз в году
Пришло бы счастье, как приходит лето,
Имея персонально всех в виду,
Несчастных не осталось бы на свете.

СУЛЕЙМАН РАБАДАНОВ

Народный поэт Дагестана

* * *

Я ничего для тебя не жалею,
Хочешь,
Весь мир я тебе подарю? –
Ясное утро я сделать сумею,
Утренний бриз и морскую зарю.

Воздух прозрачный, небесную просинь,
Облако, ветер, шумящий в саду,
За руку взяв,
Желтоглазую осень,
Я под окошко к тебе приведу.

Даже мороз,
Пусть всё это и глупо,
Я притащу, не стесняясь людей,
За воротник ледяного тулупа...
Пообещай лишь,
Что станешь моей.

ЗАЛМУ БАТИРОВА

* * *

Откуда в тебе столько льда,
Морозящего душу,
Что холодом страшным
Повеяло рядом с тобой.
И ветер шумит в твоём сердце
И рвётся наружу,
И снежная тьма
Вырастает меж нами стеной.

А свет твоих глаз,
Что мне путь освещал изначально, -
Чья буйная юность
Отныне купается в нём?
И у колыбели любви нашей
Тихой печальной
Кого посадил ты,
Качать её ночью и днём?!

Любви моей сад,
Полыхавший цветами, как пламя,
Тебе отдала,
Не жалею об этом, поверь...
Ведь даже деревья
В саду том сцепились ветвями.
Но кто-то ограду протиснул меж ними теперь.

* * *

Моими глазами, сынок, не гляди
На грязь этой жизни постыдной.
Расти не захочешь с любовью в груди.
И жить будет очень обидно.

Не хочется мне, чтоб ты видел пока
Земли умирающей взгляды.
Ты чист и не знаешь, что даже река
Нести может в озеро яды.

Моими ушами не слушай ты плач
Птиц синих, плывущих по водам.
Все меньше их гнёзд, –
Словно рядом палач, –
Гуляет шальная свобода.

Топор дровосека –
Страшней, чем кинжал –
Бывает так в жизненных пьесах.
Как я не хочу, чтобы рано познал
Ты драму Самурского леса!

Расти, мой родимый,
Ведь, может быть, жизнь

Людей доброте вдруг научит.
И с болью чужою –
Сквозь занавес лжи
Пробьется в них совести лучик.

Как мать, я молю,
Чтоб в утробе без бед
Плод прожил, без боли гнетущей.
И чтоб уходили отцы на тот свет
С тревогой о жизни грядущей.

СУВАЙНАТ КЮРЕБЕКОВА

* * *

Бесприютны тех глаза,
Кого я знала.
И куда мне, бесприданнице, идти?
Ведь они дошли,
А я в пути пропала,
Не найду никак заветного пути.

По пути меня настигла жизнь другая,
Не моя,
И заправляют в ней не те,
И поют не то...
Пойду теперь куда я? –
Не поётся в темноте и пустоте.

В жизнь другую
Унесу я песнь устало,
В этой просто –
Не поётся –
с кем попало...

* * *

Всё есть в тебе:
Порода, взгляд могучий,
Что душу заставляет трепетать,
И нежность, что разгонит даже тучи,
И голос,
Соловьиному под стать.

И лишь одно
Волнует и тревожит,
И в самом нежном сердце –
Будит лихо.
Да так,
Что не страдать оно не может, –
Ведь соловей неверен соловьиных...

АРБЕН КАРДАШ

* * *

Над трассой властвуют колёса,
Врезаясь сходу в быстроту.
Весна безумствует – без спроса,
Ликует песня – на лету.

И солнце заполняет небо,
Равновеликое Творцу,
И от невыразимой неги
Струятся слёзы по лицу.

Земли бескрайние просторы
Дорога делит пополам, –
Равнина слева,
Справа горы,
Посередине – автор сам.

Равнина залита лучами,
Вся в солнце, травах, голосах,
Вершины горными снегами
Искрятся прямо в небесах.

Там – Бог,
Здесь – люди-человеки.
И здесь душа, она в цвету,
В ней горы и весна, и реки...
И путь, что гонит в быстроту.

Зима в Курахе

Снега не уместились в небесах,
В долине разместили их, в Курахе.
Пришел мороз с искринками в глазах,
В узорной, снежной, вышитой рубахе.

Леса, овраг, жилые этажи
Как будто стали белой-белой сказкой:
Дома волшебник ватой обложил
С какой-то детской нежностью и лаской.

В них топят печи.
И кряхтят дома.
Столбом стоящий дым качает ветер.
И кажется,
Скрипит Земля сама,
Качаясь на столбах застывших этих.

Высокий граб замёрз,
Закоченел
И даже не качнётся, не застонет.
И лишь на ветку
Чёрный ворон сел...
И стал пятном родимым на ладони.

АМИНАТ АБДУРАШИДОВА

Имя твоё

Я гребнем имени расчёсываю дни,
Взлохмаченные космы будней серых,
И в зеркале небес мечты-огни
Озимыми –
Ложатся в почву веры,

В причёску словно...
Время не идёт, –
Оно смеётся, исчезая с ними.
Кладу расчёску,
Зеркало поймёт, –
Шепчу твоё, –
Как заклинанье, –
Имя.

Мечта-приказ

Мечи на орало враз перековать, –
Драконовый зуб удалить,
Как заразу, –
Чтоб всем палачам безработными стать,
Чтоб всем матерям стать
Счастливыми сразу!!!

Путь к счастью

Подбрось себя в воздух,
Ты – птица,
Ты волен в потоках кружиться.
К бездонно-бессрочному счастью
Господнею брошен ты властью.
Ты – ветер,
Для неба воскресни
И лёгкими –
Пой свои песни.

Труба

Вовсю трубит Иерихонская труба
Времён последних варваров.
И сразу
В ответ – проклятья, шёпот и мольба, –
И зло ползёт,
Кривляясь, по Кавказу.

Лезгинку пляшет огненный танцор,
Под звон монет шайтан танцует глухо.
«Честь выше жизни!» –
Им кричу в лицо,
Но душит дым,
Как скопище злых духов.

Среди кровавой каши трупных дней
Смердят и разлагаются народы,
В дыму не видно Бога
И на дне
Вселенной –
Крыс испуганные морды.

И маски сорваны.
Со всех.
И тишина.
И значит, близко, близко Сатана...

САБИГАТ МАГОМЕДОВА

* * *

Море моё,
Бирюзовое море,
Голубоглазого неба разлёт,
Тело моё на бескрайнем просторе
Птицей летает и рыбой плывёт.

Мир этот мне не поддался ни разу.
И ни за совесть мою,
Ни за страх
Здесь на колени не встанет мой разум –
Если –
сама я стою на ногах.

* * *

На горе страстей отбушевавших
Я стихи посею грустным взглядом.
Ну, а ты,
Любви совсем не знавший,
Не читай их,
Раз тебе не надо...

* * *

Не молитесь, грешники, деньгам,
Срок наступит и дворцам и вам,
Вам тогда брести по вечной мгле...
Даже царь не вечен на земле.
Коль распродал душу по частям,
Пулей улетишь –
Ко всем чертям.

* * *

Лишь твоим словам я раньше улыбалась
И, как дерево в степи,
Одна осталась.
И глаза, что любовались лишь тобою,
В море слёз блестят,
Как камни под водою.

* * *

Призывает к терпению время меня,
Погоди и дождётся счастливого дня.
Жизнь не в жизнь,
Говорю,
Коль душа холодна, –
Нет ни дней, ни годов, –
Лишь любви времена.

ГАМЗАТ ИЗУДИНОВ

* * *

Лишь миг смотрел на солнце.
Навсегда
Теперь внутри глухая вспышка боли.
Тебя увидел, пронеслись года,
Но образ твой глаза не позабыли.

Склонюсь над книгой, не могу читать, –
На всех страницах лишь тебя я вижу.
Включаю телевизор и опять,
Как солнца жар, на всех каналах – ты же...

Куда ни посмотрю, – слепит глаза.
Глаза закрою, – Ты!
И нет спасенья!
И сон мой – Ты.
И нет пути назад.
И жизнь моя, –
Как мука вдохновенья.

* * *

Дом чиновника шикарен и могуч,
Он каминною трубой достал до туч.
А поэт почти что нищ, –
Дырявый кров,
Завывают сквозняки,
Нет в печке дров.

Королевские покои – в жемчугах,
У поэта – ветер с сыростью в углах.
Короли берут словами города,
А поэты только души иногда...

...Но роскошнее,
По правде говоря,
Кабинета нету даже у царя, –
Просто у поэта испокон –
Сердце человеческое он.

Ведь оставят свои замки короли.
И чиновники уйдут во глубь земли.
Лишь поэт свой не оставит кабинет.
Ведь горит в нём негасимый свет.

Шолоховский район (часть первая)

О, земля казаков –
Щит великой бескрайней России,
Испокон колыбель
Славных воинов-богатырей.
Дон степенный и древний,
Таящий бездонную силу
И обилье шумящих,
Простёганных ветром, степей.

Слышишь, батюшка Дон,
Удалось только гению Слова
Твоё имя поднять выше звёзд,
До небесных вершин.
Одной крови с тобой этот Шолохов!
Снова и снова
Повторяю,
Он – гений, кудесник и он невторим!

Тихий батюшка Дон,
Утолил он небесную жажду,
Отражаясь душой
В твоих синих зеркальных глазах.
Так всю жизнь и творил
У земли у любимой на страже...
И впадали в тебя зацелованные небеса.

УМАРАГИ САЛИХОВА

* * *

Не дай, Аллах, мне мысль,
Холодную, как снег,
Чтобы растаяла под первый майский гром.
Не дай, Аллах, мне стих,
Чтоб, не смыкая век,
Его бы, вымучив, я бросила потом.

Не дай, Аллах, мне слог,
Чтоб был внутри меня,
Как плод,
Но отзыва в других не находил.
Не нужно слово мне,
Чтобы огнём маня,
Сверкнуло молнией, развеявшись без сил.

Но раз мученье дал
Душевного труда,
Которому пока – названья не найти,
Не дай ему, молю,
Исчезнуть без следа,
Но из зерна потом позволь любви взойти.

АЙЛИН МУСАЕВА

* * *

Страна моя раздета и распята,
Нет прежних сил,
Не слышен гул набата.

Шайтаны алчные её терзают снова,
В душонках чёрненьких нет ничего святого.

А мы всё терпим,
Словно так и надо,
Средь беспредела корчится громада,

Как баржа,
Что на мель бесславно села...
Эй, бурлаки, давайте-ка за дело!

А я,
Шайтанам не простив мученья,
Петь буду песнь о нашем возрождении.

РААД БОНДЭР

*Председатель Союза писателей Ирака
(при Саддаме Хусейне)*

* * *

Ваше юное тело мерцает волной бирюзовой.
И понятно зачем,
Почему же исчез так бесследно
Перламутр ракушек с пустынного берега моря.

Я сравнил Вас с росой,
А в солнечный день с облаками.
И когда я держал Ваши нежные звонкие руки,
Тихо пели они, наливаясь небесною влагой.

А когда родились Вы,
Спустившись, как песня, на землю,
На лице Вашем вдруг
С удивленьем увидели люди
Два небесных овала, что были украдены с неба.

Как прекрасен Творец,
Сотворивший и небо, и землю.
А потом ещё нас. А из этого вечного неба
Сотворивший глаза Ваши, небо затмившие блеском.

Как прекрасна Москва,
Только меркнет она перед Вами.
Только Вас вижу я. Даже ягодка этой малины
Своей мякотью нежной мне Ваши напомнила губы.

Словно Ваши глаза, становлюсь я небесного цвета.
Мне тепло и светло в Вашем тихом пронзительном
взгляде.
И в холодной Москве я себя ощущаю как дома.

А когда Вы пришли ко мне в солнечный день,
Улыбаясь,
Тучи небо накрыли, как хищные черные птицы,
Потому что два солнца не могут ужиться на небе.

Лев Толстой, умоляю,
Скажите, пожалуйста, правду –
Как поэту поэт, я прошу, – Вы любили Ирину,
Когда, перья ломая, бессмертный роман свой писали?

Я теперь понимаю,
Зачем Русь в цветах утопает,
Шелестит лёгкий ветер в налившихся шелковых травах:
Вы идете по ним,
Лёгкий след за собой оставляя.

Улицы

Наши улицы немые.
Их словно и нету на свете.
С головой накрывает их наш нарастающий страх.
И рождаются трудно они,
расправляя угрюмые плечи,
Под тяжелую поступь уставших солдатских сапог.
Так идёт тут война, каждый угол цепляя собою.
Лишь когда бедняки чистят молча рубахи свои,
Из дырявых карманов они достают документы
И родимые улицы –
из пыли на свет достают.
И ведут они нас в даль ночную, почти что к началу,
И кончаются часто во сне (или нет?) гильотиной.
Но когда города сотрясаются бомбовой мощью,
Вновь скрываются улицы в наших домах и карманах.

О творчестве Сергея Соколкина:

Николай Тряпкин, поэт, лауреат Государственной премии России, отмечая стихи С. Соколкина, писал: «Эти строки я произношу с чувством особой радости, поскольку отношу их к разряду самых лучших строк русской классической поэзии...» («Литературная Россия», №, 1993 г.; «Завтра» № 28, 1994);

Валерий Ганичев, Председатель СП России: «Его знаменитый «Ангел в окровавленной слезе» - один из самых объемных образов современной поэзии... А сам Сергей Соколкин, на мой взгляд, один из наиболее интересных и по-современному звучащих поэтов...» («Советская Россия» №1, 1997 г.);

Борис Примеров: «Сергей Соколкин преодолел бестелесные, пыльные слова, сбросил прах бесцельного крика, поднялся до высот живописи, музыки, колорита. Его туго натянутые струны на инструменте русской души слышны далеко, как эхо солнца», («Литературная Россия» №36, 1994; «Завтра» №28, 1994);

Юрий Кузнецов, крупнейший поэт конца 20 века, лауреат Государственной премии России: «Сейчас он предстает перед нами, как серьезный поэт, один из интереснейших в своем поколении, размышляющий о судьбах народа и Отечества» (1994г.; «Соколиная книга», 2009);

Валентин Сорокин, поэт, лауреат Государственной премии РСФСР: «Сергей Соколкин, – один из самых сильных и интересных поэтов в своем поколении, держит оборону в великой битве за Россию, за русский язык – против наступающей пошлости, бездуховности и утраты национального самосознания» («Литературная Россия» № 51, 2008; МоЖ № 9, 2009);

Лев Ошанин, поэт, лауреат Государственной премии СССР: « У Соколкина резкий мазок, смелый замах, загорается убедительная образность» (жур.«Урал» № 8, 1987 г.);

Виктор Розов, драматург, лауреат Государственной премии СССР: «Сергей очень интеллигентный, открытый и честный человек. Его волнует и чужая боль, несправедливости жизни не оставляют его равнодушным. К тому же он увлекающаяся творческая натура. Да и молодость берет свое... Он будет полезен как русской литературе, так и обществу в целом» (1994 г.; «Соколиная книга», 2009);

Владимир Солоухин, писатель, лауреат Государственной премии СССР, первый Председатель Фонда храма Христа Спасителя: «Его работы всегда привлекали к себе внимание широтой интересов, полемичностью, остротой, четкостью нравственной позиции и, наконец, мастерством...»(1994 г.; «Соколиная книга», 2009);

Независимая газета (Пять книг недели): «Соколкин – поэт есенинского типа: безоглядный, эмоционально щедрый, мощно чувствующий, размахисто мыслящий... Одно

отличие - в его стихах всяческих ужасов поболее, чем в приличном триллере» (№162, 2009).

Петр Калитин, профессор, доктор философских наук: «Когда-нибудь о душе русского человека –в-сегодня: кину-тых - дней - будут потрясённо судить – по поэзии Сергея Соколкина и - вдруг: стра-ш-ст-но! –обрусевать... Сергей Соколкин находит п-р-ос-с-т-н-о-ригин-альные слов-о-бр-а-с-ы – в своей э-сх-в-ато-логически: заос-тр-ён-н-ой - душе и - о-крест...» (Книга «Крещёная бездна», ИОИ, Москва, 2012)

Георгий Судовцев, критик: «Похоже, Сергей Соколкин по-настоящему запускает свой творческий «ядерный реактор» только сейчас. Такого типа «реакторы» разогреваются, как правило, очень медленно и неустойчиво. Но уж если разогреются и выйдут в «штатный» режим, нужной людям энергии (в данном случае — стихов) даст очень много. («Завтра» № 41, 2009)

Кирилл Анкудинов, критик: «Поэзию Сергея Соколкина я никак не могу назвать «неуязвимой»; каждая строка Соколкина останавливает, обращает на себя внимание, ранит, саднит, обескураживает, раздражает или влюбляет. Поэзия Сергея Соколкина – не бестрепетна. Она – живая. Подлинная. Настоящая...» («День литературы», № , 2009)

Кирилл Анкудинов: «Одни поклоняются Бродскому, другие Рубцову; одни ценят Ахмадулину, Кушнера и Кенжеева, другие – Струкову, Соколкина и Тюленева – и не думаю, что первые и вторые не найдут языка меж собой...» («Литературная газета», «Гении и эксперты», №23 , 2010);

Александр Проханов, писатель, главный редактор газеты «Завтра»: «Казалось, что запечатаны уста дагестанских поэтов, но появилась эта книга – «Молитвы в дагестанском небе» в переводах Сергея Соколкина, я пью из неё стихи, как пьют воду из горной реки. Я счастлив!» («Литературная Россия», 30 августа 2013);

СОДЕРЖАНИЕ

«Ангел становится в строй». Владимир Бондаренко	5
Камни	16

НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ

СЕМИК (поэма)	19
1. Вступление	19
2. Поминки	21
3. Василиск	23
4. Баба-Яга	25
5. Русалии	26
6. Ночь на Ивана Купалу	31
Казнь колдуна	39
БОЯРЫНЯ МАСЛЕНИЦА (поэма)	42
1. Встреча масленицы	42
2. Хоть на час – да вскачь	43
3. Кулачный бой	44
4. Взятие снежного городка	47
5. Разгуляй	50
Памяти Кузнецова	55
НЕ-МОЙ (поэма)	57

В могиле	70
Святогор	72
Святогоров меч	74
«Продираясь сквозь чёрные боры»	75

СМАХНИ СЛУЧАЙНОЕ

«Когда Бог проклял землю, то ветрами»	79
На могиле	80
«Дано нам жить под строгим небом»	81
«Душа моя языческих кровей»	82
21 псалом Давида	83
«О Господи, не искушай мя Словом»	85
«Господь с тобой, моё языческое «Я»»	87
«Когда познать дано мне будет участь Слова»	89
«Гряди ж, Иисусе Господи, скорее»	90
«Там, где гудит страна, предвосхищая сечу»	91
«Глаз мёртвой девушки чуть-чуть подслеповат»	92
«Где мосты сожжены и деревни погублены»	93
«Под бестрепетным лунным прицелом»	94
«Волга впадает в Каспийское море»	96
Лунная походка	97
Грозный-Сталин.ру	100
«Смахни случайное В руинах»	104
«Ночной свободы хаос безотчетный»	105
Те слова	107

«Не надо Пушкина не знать»	108
«Русский Икар» И. С. Глазунова	109
«Люблю твой колокольный звон»	110
«На кладбище, где мирный дух и негарь»	111
«Лишь с Востока как будто над плахой»	112
«Тень креста пролегла через тёмные силы»	113
«С последним солнцем Рим объяла мгла»	114
Могила Хомякова	115
«Убиенному войску в былинах лежать навсегда»	117
Моё древо	119
Памяти поэта-друга	121

ПОТОМУ ЧТО Я РУССКИЙ

Россия – Европе	125
Краткая история	127
«Когда сияла в небесах моя великая Держава»	129
«Приди, покусись, оторви»	131
Живые и мёртвые	132
Обелиск на растоптанной братской могиле	133
Святое право	135
Бесноватых мутантов немая орава	137
Чеченская коррида	138
Шамиль и царь	140
Абдулле Даганову	142
Памяти жертв Буденновска	143

«Раскачиваясь, расшатываясь, приседая»	146
«Я спокоен, я абсолютно спокоен»	149
Шестая рота	153
Дикая дивизия	155
Русский бомж	158
Попрошайка	160
«Словно жизнь моя взята в ренту»	161
Потому что я русский	162
«Как звенят по Руси колокольчики-ромашки»	166
«Мы эту осень сами заказали»	169
Стансы	170
«Пятнадцать лет стреляют танки»	173
«Зачищены три олигарха»	174
Слово	175
Вечный огонь	177
Парк Победы	178
Карта мира	179
Русский флаг	181
«Бедный, малограмотный народ»	182
«Кто обретать, а я теряю снова»	183
«Нас по тревоге не поднимут»	185
«Кто умер, тот уже бессмертен»	186
«Ты жил с великими поэтами»	188
Из России с Любовью	189
Он прорубил окно в стене	190

«И сказал мне дядя Ваня»	191
«Страну украли И потерян след»	194
Смех	195
Ты должна	197
Страшный сон	198
Судьба	200

Я ПЬЮ ЗА ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛИСТОПАДА

«Через год любовью воскрешённой»	203
«Что такое любовь через тысячу лет»	205
СИРЕНЬ (поэма)	206
«Море что-то бормочет влюблённо»	211
«Вход до десяти. Но что закон мне»	213
Одна	214
Расщеплённость	216
Колдует осень	218
Танец печали	219
«Ты ушла от меня, словно боль и усталость»	220
«Я одинок, как гений в плагиате»	221
«Я без тебя не пропадаю»	223
Орлица	224
«Сказал в запале – резано и круто»	225
«Твои губы во тьме различаю»	226
Одиночество	227
«Я бегу против стрелки часов»	228

«Я пью за продолженье листопада»	229
«Становлюсь безудержно покорным»	230
«Грустью я обижен и растрачен»	232
«Как хорошо в последний день Помпеи»	235
Как можно тварь любить	236

МНЕ 22, Я ВЕСЬ В ГУБНОЙ ПОМАДЕ

«Мне двадцать два, я весь в губной помаде»	239
Игра	240
Это не о тебе	241
«Сегодня я понял, что тебя я люблю»	243
Банально о самом банальном	245
Обидное	247
У Вечного огня	248
«Мне почта принесла пожар Чернобыля»	250
«Наш скорый, свистя, перечёркивает деревню»	252
Майский снег	254
Новый Год	256
Аминь	258
«И в память клонится чело»	260
Сухарева башня	261
«Ты пробовал стихи на запах?»	263
Анна-море	264
Рождение звезды	266
«Шарф на пса намотаю»	267

«Обласкав бездомную собаку»	268
Воспоминание	269
Щенок любви	271
«Милая, мы в сумасшедшем доме»	273
Из сентября	276
Всё ещё любимой	278
Настроение	280
Зимние метаморфозы	282
«А ведь совсем не обязательно»	285
Последняя любовь	287
Расплата	288
«Человек уходил из себя, словно слёзы»	289
«По городу тёмному, всеу»	291
Почти ни о чём	292
Привидение	293
В ожидании любимой	294
«Я не сторож брату своему»	296

У МЕНЯ НА ТЮРЬМЕ

«Во сне пройдуся по коридорам»	299
«У меня на тюрьме вольный ветер живёт»	301
«Меня стерегла лишь кручинушка-доля»	302
«Воспоминанья о тебе накатывают то и дело»	303
В тюрьме	304
«Все забыл: твои косы и платье»	306

«На губах, овдовев, отцвели поцелуи»	307
«Дорогая, как ты там за мукой-разлукой»	308
«На тюрьме шёл дождь, заливая дворик»	310
Берегиня	311
Твой силуэт	312
«На душе соловьями отпели рассветы»	313
«Мужик – охотник по натуре»	316
Пегас	318
«Слишком долго я тебя не видел»	320
«Любви не хочу, Боже, дай мне покой»	322

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ОМАРЛА БАТЫРАЙ *(перевод с даргинского)*

«Мать твоя день и ночь о деньгах лишь талдычет»	325
«Сколько было, сколько будет песен спето»	326

ФАЗУ АЛИЕВА *(перевод с аварского)*

Строки любви	328
«На голос Родины из самого далёко»	329

МАГОМЕД АХМЕДОВ *(перевод с аварского)*

Расул Гамзатов	330
«Я горной речкой с Родины сбегал»	333
«Моя горная речка – не Чёрная речка»	333
Повесть	334
Лорд Байрон	335
Поэт	337

Простая песня	338
«Никого уже не вызовешь к Барьеру»	339
Ночной ветер	340
«Даден путь извилистый поэту»	342
«О, времена! Ни веры нет, ни чести»	343
Война	344
«О, мои гунибские берёзы»	346
Родной язык	348
Всадники	350
«Ночью звёзды на вечном пристанище»	352
Голоса	353
АБДУЛЛА ДАГАНОВ <i>(перевод с аварского)</i>	
«Плакал дед, когда, страдая, умирал»	354
Цыганка	355
«Не спеши, под лиственной кроной»	357
«Что-то грустно сердце застучало»	358
«Отстрадав, оплакала душа»	359
«Годы, как листки календаря»	360
«Шумит печально дерево в саду»	361
Поэзия	362
«Где, скажи, любовь моя»	365
АХМЕД ДЖАЧАЕВ <i>(перевод с кумыкского)</i>	
Отцовская рука	368
ХАНБИЧЕ ХАМЕТОВА <i>(перевод с лезгинского)</i>	
Узоры мороза	370

ИСУП ХАППАЛАЕВ <i>(перевод с лакского)</i>	
Над неприступными горами	372
На погосте	373
ШЕЙИТ-ХАНУМ АЛИШЕВА <i>(перевод с кумыкского)</i>	
Свобода	375
АМИНАТ АБДУЛМАНАПОВА <i>(перевод с даргинского)</i>	
«Был страстный зов любви»	376
БИЙКЕ КУЛУНЧАКОВА <i>(перевод с ногайского)</i>	
Чёртов вальс	377
МАГОМЕД ГАМИДОВ <i>(перевод с даргинского)</i>	
Четверостишья	379
СУЛЕЙМАН РАБАДАНОВ <i>(перевод с даргинского)</i>	
«Я ничего для тебя не жалею»	381
ЗАЛМУ БАТИРОВА <i>(перевод с аварского)</i>	
«Откуда в тебе столько льда, морозящего душу»	382
«Моими глазами, сынок, не гляди»	384
СУВАЙНАТ КЮРЕБЕКОВА <i>(перевод с табасаранского)</i>	
«Бесприютны тех глаза, кого я знала»	386
«Всё есть в тебе: порода, взгляд могучий»	387
АРБЕН КАРДАШ <i>(перевод с лезгинского)</i>	
«Над трассой властвуют колёса»	388
Зима в Курахе	390
АМИНАТ АБДУРАШИДОВА <i>(перевод с даргинского)</i>	
Имя твоё	391
Мечта-приказ	392

Путь к счастью	392
Труба	393
САБИГАТ МАГОМЕДОВА <i>(перевод с аварского)</i>	
«Море моё, бирюзовое море»	394
Четверостишья	394
ГАМЗАТ ИЗУДИНОВ <i>(перевод с аварского)</i>	
«Лишь миг смотрел на солнце Навсегда»	397
«Дом чиновника шикарен и могуч»	398
Шолоховский район <i>(часть первая)</i>	399
УМАРАГИ САЛИХОВА <i>(перевод с аварского)</i>	
«Не дай, Аллах, мне мысль, холодную, как снег»	400
АЙЛИН МУСАЕВА <i>(перевод с даргинского)</i>	
«Страна моя раздета и распята»	401
РААД БОНДЭР <i>(перевод с иракского диалекта арабского языка)</i>	
«Ваше юное тело мерцает волной бирюзовой»	402
Улицы	404
О творчестве Сергея Соколкина	405

ПОЭЗИЯ МНОГОЯЗЫКОЙ РОССИИ

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ СОКОЛКИН

ВОЗОПВИШИЕ
КАМНИ

Избранное

Редактор: *Николай Дорошенко*

Художественное оформление: *Ярослава Соколкина и Галина Гагарина*

Технический редактор: *Ирина Петрова*

Подписано в печать **07.10**.2013. Формат 84x108^{1/32}

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 13,1.

Тираж 500 экз. Заказ № 61

Отпечатано в полном соответствии
с качеством представленного издательством
электронного оригинал-макета.

АНО «ТЦРКП»

WWW.BELZHURROS.RU

BELZURROS@YANDEX.RU